

Девственный лес Сихотэ-Алиня стынет в объятиях жгучего мороза. Гнутся до самой земли ветви молодых пихт и елей под тяжестью снежной кухты. Наступил первый месяц весны, а свирепая пурга наматывает глубокие сугробы, тщательно укрывает сопки ослепительно белым снегом.

Лишь в одном месте, среди мрачных гранитных расселин, черным пятном зияет вход в пещеру. Едва приметный след вьется между дряхлыми кедрами. В пещере вечный полумрак. Днем здесь холоднее, чем снаружи. На сухой черной земле, устланной истлевающими листьями, дремлют два маленьких тигренка. Суровый лес безмолвно встретил появление на свет тигрят, но заботливая мать проявила к ним столько внимания и ласки, что все опасности, таившиеся в лесных дебрях, отступили от полосатых малышей. Под надежной защитой тигрицы им не были страшны ни холод, ни многочисленные кровожадные враги. Безмятежно спали брат и сестра, пригревшись у теплого материнского бока. Сестренка имела удивительную окраску: ее светлую пушистую шкурку покрывали широкие желтые полосы. Этот золотистый цвет немало поразил бы и привел в восторг натуралистов, мать же не обращала внимания на редкую для тигриного рода окраску своей дочери. Люди впоследствии назовут ее Ригмой. Много приключений произойдет с ней, прежде чем станет она могучим и мудрым зверем, владычицей северных джунглей, а пока маленькая Ригма теснее прижимается к широкой лапе матери.

Стихла метель. В ярких лучах мартовского солнца заискрились крупные снежинки. В густой синеве неба проплыл ворон. Над широким лесным распадом пронесся его ликующий крик и долетел до чуткого уха старой тигрицы. Она несколько дней ничего не ела, утоляя жажду снегом, лежавшим толстым слоем у входа в пещеру. Голод заставлял идти на охоту.

Торопливо спустилась она в ключ, где обычно паслись табунчики кабанов, и стала разыскивать

добычу. С уходом тигрицы холодно и страшно стало маленькой Ригме. Съежившись в пушистый комочек, озираясь по сторонам, она теснее прижалась к дрожавшему от холода братишке. Скорее бы возвращалась мать. Пройдет несколько лет — и тигрята станут наводить страх на всех обитателей леса, а пока они так беспомощны и беззащитны. Стоит войти в пещеру медведюшатуну или волку, забежать росомaxe или кунице-харзе, даже залететь филину — и не станет двух крохотных существ. Вернется мать-тигрица, в тоске обнюхает пустое холодное логово...

Ригма не знала отца. Он бродил где-то на далеком Матае, занятый заботой о себе. Мать, выйдя на охоту, ни на минуту не забывала об оставленных малышах. Поймав кабана и едва утолив голод, она примчалась в пещеру, чтобы накормить и обогреть заждавшихся детей, а через несколько дней снова исчезла в тайге.

Однажды, возвращаясь к логову, тигрица учуяла едва различимый запах дыма, доносившийся из глубокого распадка, и остановилась. Человек здесь не появлялся давно. Инстинктивно тигрица понимала, что зимой дым связан только с ним. После долгого колебания она медленно зашагала навстречу опасности. Лес поредел. Каменистые россыпи низвергались к самому берегу ключа. Отсюда его долина хорошо просматривалась. Острое зрение тигрицы уловило движение человеческих фигурок, казавшихся на фоне снега угольно-черными. Один поправлял костер, двое ставили палатку, другие подтаскивали валежник к костру. Тигрица замерла. Лишь едва уловимое движение ноздрей да расширившиеся зрачки золотистых глаз выдавали ее волнение.

Не подозревая близости страшного зверя, лыжники готовили бивак, стучали топорами, разговаривали, громко смеялись. Эти звуки долетали до чуткого уха тигрицы, а она все еще стояла в оцепенении на черном камне. Никогда не встречаясь до этого с туристами, тигрица приняла их за охотников. Раздался слабый звук выстрела, словно треснуло от мороза дерево. Это один из лыжников захотел добыть для чучела подлетевшую к биваку сову. Даже после выстрела тигрица не шелохнулась. Заботливая мать думала лишь о том, как отвести возможную беду от своих тигрят. Зоркие глаза протыкали каждый куст, каждый предмет: нет ли где собак, этих неизменных спутников охотников?

Велика подозрительность у старого хищника. Тигрица обошла табор с подветренной стороны. Выйдя на следы людей, она долго принюхивалась. Кроме незнакомого запаха лыжни, она не уловила ничего. Собак с охотниками не было. Если бы она обнаружила их следы, то не ушла бы от бивака, прежде чем не расправилась с ненавистными псами. Тигрица не очень боялась человека, но инстинкт материнства властно требовал защитить своих детей, укрыть их от беды.

Волнение матери передалось тигрятам, когда она появилась в логове. Выбежав ей навстречу, малыши притихли и насторожились. Тигрица не стала их кормить. Она придавила лапой к земле Ригму, затем вобрала ее плечи в свою огромную пасть и понесла прочь. Несколько часов несла тигрица маленькую Ригму к логову, где четыре года тому назад у нее появились первые дети. Оставив Ригму одну, мать вернулась за ее братом и, как только принесла его, накормила молоком проголодавшихся тигрят. Затем она снова вернулась к опасному распадку. Обойдя широким полукругом покинутый бивак, тигрица убедилась, что люди ушли в противоположную сторону. Несколько раз появлялась она в районе неприятной встречи. Лыжные следы утратили какие-либо запахи, новых не было. Тигрица окончательно успокоилась.

...Весна медленно входила в лес. Днем потемневший снег таял, оседал, напитавшись водой, становился зернистым. Ночные морозцы высушивали проталины, схватывали мокрый снег, превращая его поверхность в ледяную корку — наст. По нему легко бегали колонки и гималайские куницы, волки и рыси, но олени, лоси, кабаны и косули проваливались; острые ледяные края наста, словно ножи, резали ноги, следы окрашивались кровью. То, что благоприятствовало хищникам, было губительно для копытных. Недолго длилась эта страшная для них пора: быстро тающие сугробы не успевали замерзнуть ночью. Загремели горные ключи, запахло прелыми листьями и смолистыми почками тополей и берез. Лес ожил, наполнился шорохами. Покинули берлоги медведи, вылезли из своих нор барсуки и енотовидные собаки; дневные голоса птиц сменялись

ночным хором лягушек. В эту пору человек покидает леса, только у сплавщиков начиналась горячая пора: вскрывались реки. Тигрята радовались весне. Исчез снег, и логово потеряло свои границы. Теперь Ригма и ее брат могли целыми днями гоняться друг за другом на большой поляне, взбираться на камни, спускаться к ключу. Иногда в пылу игр они так далеко убегали от логова, что возвратившаяся мать подолгу разыскивала их и, найдя, подзывала к себе голосом, от которого с трепетом замирали олени, в ужасе убегали кабаны.

Однажды тигрица, возвратившись с охоты, принесла молодого кабана и положила его перед попятившимися тигрятами. И хотя добыча была неживой, шерсть на тигрятах встала дыбом. Переминаясь с лапы на лапу, стали они кружить вокруг неизвестного зверя, принюхиваясь к нему, не понимая, что надо с ним делать. Видя нерешительность своих детей, тигрица снова взяла в зубы кабана, перенесла его на несколько шагов в сторону и, положив на землю, стала облизывать добычу, как бы подбадривая их. Ригме показалось, что кабан при этом зашевелился. Она быстро схватила его за ухо, а брат — за заднюю ногу. Тигрята осмелели. Лежавшая рядом мать шевелила лапой кабана, и это служило сигналом к очередному нападению. Тигрята имели маленькие клыки, неокрепшие зубы и, хотя поросенок издавал аппетитный запах, ничего поделывать с ним не могли.

Вдоволь позабавившись добычей, тигрица разорвала поросенка на две части и отдала их детенышам. Ригма впервые познала вкус мяса дикого кабана, самой желанной пищи всех тигров.

Весеннее солнце по-летнему прогревало южные склоны сопок. Тигрята подолгу дремали, растянувшись на прошлогодних дубовых листьях. Окраска их так хорошо сливалась с цветом окружающей среды, что малышей трудно было рассмотреть даже вблизи.

Чуткую дремоту Ригмы как-то прервал сильный шорох, словно по лесу брел крупный зверь. Вскочив в испуге, она притаилась за деревом. Прямо на нее бежал дымчато-серый зверек с большим черным пушистым хвостом. Это белка искала прошлогодние желуди. Не добежав до Ригмы, она почуяла слабый запах кедрового ореха и начала быстро разгребать цепкими лапами прелую листву. Пытаясь схватить белку, Ригма прыгнула. Другой зверек вряд ли избежал бы тигриных когтей, но чернохвостка птицей взметнулась по гладкому стволу и, усевшись на суку, сердито зацокала.

В лесу жило много бурундуков. Производя своей возней сильный шум, они беспокоили Ригму, но очень редко попадали под ее широкую лапу.

Весенний лес был полон дневных и ночных шорохов. После долгого зимнего оцепенения все звери и птицы пришли в движение. Одни наслаждались брачной жизнью и любовными играми, другие были озабочены устройством гнезд и обновлением убежищ. Возбужденные обитатели леса то и дело натывались на Ригму, пугали ее, но и сами испытывали перед ней еще больший страх.

Незаметно прошла весна. По-прежнему стояла сухая ветреная погода, и лишь горячее солнце да распутившаяся листва деревьев и кустарников свидетельствовали о начале лета.

В различных местах вспыхивали низовые пожары. Они наполняли лес удушливым дымом, который, словно густой туман, застилал долины, закрывал горы. Солнце, едва пробиваясь сквозь плотную пелену дыма, висело в небе зловещим кроваво-красным шаром.

Поначалу огонь медленно расползлся по склонам сопок, пожирая прошлогоднюю сухую траву и валежник. Иногда он угасал, но легкий ветерок разносил искры тлеющих пней, и они, западая в иссохшие лишайники, разгорались маленькими огоньками. Спускаясь в долины ключей, огонь пробирался в густые заросли вейника. Пламя катилось по вейниковым лугам, как по спелой ниве, уничтожая мелких зверей и птичьи гнезда; изюбры и косули не боялись пала: они, словно играючи, легко перепрыгивали без всякого вреда для себя метровое пламя. Многие километры прошел низовой пожар, оставляя после себя черные выжженные луга и поляны, закопченные стволы деревьев. Пал уходил, но подолгу дымились обсохшие болота: горели глубокие пласты торфа.

Пока огонь пробирался дубовым или березовым редколесьем, он не нес большой опасности зверям и птицам. Но вот медленно ползущая змейка огня углубилась в густой ельник. Послышался сильный треск. Пламя, взметнувшись кверху, мгновенно поглотило несколько темно-зеленых крон, клубы черного дыма поднялись к небу. Налетевший порыв ветра наклонил огневую стену над

лесом — и пошла полыхать смолистая хвоя, словно порох. Рев могучего пламени, треск горящего леса, свист ветра смешались в страшном гуле верхового пожара. Казалось, сам лес взревел от боли и стонет от ужаса. Адская жара породила бешеные потоки воздуха. Ураганные завихрения ломали деревья, поднимали в небо горящие ветки, бросали летящих птиц в пламя. В огненном шквале гибли белки и быстроногие козули, метались с ревом медведи. Реки огня разливались по лесным чащобам, то расходясь, то соединяясь, и тогда все живое, очутившись в огненном кольце, погибало. Обезумевшие звери выбегали на чистые места к озерам, обжигая ноги, уходили через горящие торфяники. Нестерпимым зноем веяло от сгоревшего леса, а огонь катился все дальше и дальше, превращая зеленое море тайги в черную пустыню смерти и пепла. Спасая гибнущий лес, люди с риском для жизни прыгали с парашютами на лесные поляны. Приземлялись порой вблизи огня и тушили пламя, но огонь прорывался в другом месте. Только многодневные дожди могли погасить разбушевавшийся на сотни километров пожар, но на тусклом небе не появлялось ни одного облачка.

Ночами старая тигрица видела отблеск приближавшегося огня. Она очень боялась этой грозной стихии. Даже низовой пожар становился опасным для тигров: их мягкие, не защищенные толстым роговым слоем подушечки лап легко обжигались. Обеспокоенная усилившимся чадом, тигрица заблаговременно покинула обжитое место и увела тигрят по ключу на самую вершину сопки. Здесь воздух был чище, звери чувствовали себя в безопасности.

На самом водоразделе находилось большое кабанье купалище. Через него шла хорошо проторенная звериная тропа. Подступающие к тропе ели и пихты носили следы острых клыков кабанов. Многие секачи чесали свои бока об эти деревья, оставляя на смолистых стволах грязь и щетину. Не нужно стало далеко ходить за добычей: кабаны сами подходили к засаде тигрицы.

Ясная погода, длившаяся несколько недель, наконец испортилась. Наступил сезон летних муссонных дождей. В первые же три дня лесной пожар прекратился, прояснилось небо. Как легко и приятно дышалось теперь Ригме! Влажный чистый воздух промытого дождями леса наполнился смолистым ароматом тополевых листьев, медвяным запахом липового цвета. Особенно волновали тигров едва уловимые запахи следов оленей и кабанов. Лишь медвежий дух будил инстинкт самосохранения и заставлял держаться осторожнее.

Земля давно напиталась влагой, во всех распадках гремели ключи, а дожди все лили и лили. Тигрята не успевали высыхать, хорошо хоть воздух был теплым и не ощущалось недостатка в пище: заботливая мать то валила оленя, то схватывала зазевавшегося кабана.

Однажды мелкий морозящий дождь перешел в тропический ливень. Водяная пелена ниспадала с неба столь густо, что на расстоянии нескольких шагов с трудом различались деревья. Шелест падающих крупных капель дождя усиливался порывами ветра, сливаясь с шумом ветвей. Притихли птицы, притаились звери.

Ливень застал тигров в широкой долине Светлого ключа. Укрывшись в густом ельнике, тигрята прижались к стволам деревьев, не замечая стекавших струек воды. Их пушистые шубки скоро намокли, а дождь все не переставал. В начале ночи к монотонному шуму дождя стал примешиваться какой-то отдаленный рокот. Он нарастал, приближаясь к долине ключа. Это сквозь чащу деревьев катился двухметровый сплошной вал воды, образовавшийся из слившихся дождевых потоков. С глухим рокотом несся водяной вал сквозь лес, пригибая кустарники, унося валежник, сметая все на своем пути. Лисицы и зайцы, бурундуки и змеи забирались на полуповаленные деревья, всплывшие валежины. Наводнение примирило и объединило всех зверей в одну семью, заставило забыть вражду. Мокрые, дрожащие от холода, они все стали равны перед лицом смертельной опасности.

Вода, подступая со всех сторон к небольшой возвышенности, где отсиживались тигры, просочилась под Ригму. Звереныши поднимали лапы и сердито отряхивали с них воду. Нужно было искать новое, более надежное убежище. Обнюхивая воду, старая тигрица спокойно вошла в мутный поток и поплыла к едва видневшейся сопке. Тигрята последовали за ней. Сильное течение сносило их в сторону, они отставали, но плыли легко.

Тиграм пришлось проплыть несколько сот метров, прежде чем они добрались до каменистого склона незатопленной сопки. Брезгливо отряхнувшись, они облизали мокрую шерсть, затем разыскали нависшую над обрывом скалу и улеглись под ней на сухой прошлогодней листве. Теперь ненастье их не страшило.

Всю ночь из долины доносился шум бушующей воды. Дождь то переставал, то снова, как будто отдохнув, начинал хлестать по деревьям. Пригревшись у теплого бока матери, Ригма притихла, и хотя сон ее был очень крепким, проснулась сразу, услышав громкое карканье, извещавшее о наступлении утра. Сидя на вершине кедра, ворона рассматривала разлегшихся тигров и выкрикивала на весь лес: «Как! Как! Как!», словно спрашивая: «Как вы здесь появились?»

Ригма широко раскрыла глаза. Поднявшееся над сопками солнце озаряло мокрый лес. Вода блестела в затопленной долине, но заметно спала. В темно-голубом чистом небе плавно кружил беркут, зорко высматривавший, нет ли где какой поживы. Отдохнувшие тигрята не торопились разыскивать мать, ушедшую чуть свет на охоту. Радуюсь солнечному теплу, они переворачивались с боку на бок, подолгу лежали на спинах, лениво шевеля хвостами.

Яркий солнечный день становился знойным. Высохшие листья деревьев и трав источали горьковато-смолистый запах. Щебетание птиц и пронзительные крики индийской кукушки оживляли лес. Ликующее настроение природы передалось тигрятам. Они без усталости носились по кустам, то разбегаясь в разные стороны, то, припав к земле, снова подкрадываясь друг к другу. Ригма так плотно прижималась к малейшей впадине, что брат терял ее из вида и, высоко задирая голову, выдавал свое присутствие. Не спуская с него глаз, Ригма выжидала... При виде мчавшейся на крупных прыжках шалуньи шерсть на спине ее брата поднималась дыбом, он скалил пасть, но стоило сестре коснуться его передними лапами, как тигренок падал на спину и частыми ударами задних лап отбивался от нее.

К вечеру вернулась мать, принеся телят изюбра. На следующее утро тигры покинули временное пристанище под скалой, а спустившаяся на землю ворона позавтракала обильными остатками их стола.

В течение всего лета не покидала семья тигров распадка Светлого ключа и косогоров, спускавшихся к нему. Тигрица приносила добычу во временное логово или, забрав с собой детенышей, вела их к месту охоты.

С приходом осени на Сихотэ-Алине установилась солнечная погода. Ночные заморозки расцветили листья деревьев и трав. Ярким багрянцем вспыхнули кусты клена и дикой малины, золотистой охрой покрылись шатрообразные кроны бархата амурского. Побронзовели узорчатые листья пышных папоротников. И только зелень елей и пихт стала еще ярче, еще свежее. Раньше всех уронил свои перистые листья маньчжурский орех. Отряхнула зеленый убор приречная черемуха. Проголодавшиеся тигрята всю ночь с нетерпением поджидали свою мать, ушедшую на охоту. Тишину едва забрезжившего рассвета неожиданно нарушил могучий рев какого-то неизвестного зверя. Рев заканчивался нотами, похожими на голос матери, зовущей их к себе, и в то же время пугал протяжностью и высотой звука. Тигрята прижались друг к другу, уставившись немигающими глазами в сторону, откуда неслись незнакомые звуки. Но зверь не приближался к ним, продолжая время от времени потрясать воздух могучим зовом, отдававшимся в распадке. Неведомый зверь так яростно и долго ревел, что тигрятам стало страшно, они забеспокоились. Мать не появлялась. Ригме казалось, что зверь, оглашавший лес громким криком, был хозяином косогора и вызывал на смертный бой каждого, кто вздумает оспаривать это право. Тигрята решили убраться подальше и бесшумной рысцой потрусили к вершине сопки, но едва они достигли перевала, как до них донесся голос матери. Она не звала к себе, а лишь спрашивала, где они находятся. Значит, охота не удалась, и тигрица возвращалась без добычи. Отозвавшись, тигрята остались на перевале поджидать ее. В это время снова послышался рев незнакомца, и тут же мать ответила почти таким же приглушенным голосом. Тигрята замерли в нерешительности — казалось, мать не торопилась к ним. А разъярившийся страшный зверь ревел теперь почти не переставая и медленно приближался к затаившимся малышам. Волнение тигрят усилилось. Они то

вскакивали на высокий камень и напряженно вслушивались в каждый шорох, то приседали на задние лапы. Вдруг рев зверя как-то неестественно оборвался, и в лесу установилась звенящая тишина, прерываемая лишь каплей обильной утренней росы, предвещавшей хороший солнечный день. Прокричала проснувшаяся желна, где-то прошуршала листвой бегущая по земле белка.

Успокоенные тишиной, тигрята стали осторожно спускаться с сопки туда, откуда последний раз донесся так странно изменившийся голос матери. Вот и знакомый запах материнского следа. Пройдя по нему с километр, тигрята остановились в нерешительности: легкий ветерок донес запах крови. Долго всматривались они в гущу ореховой рощицы, прежде чем увидели свою мать. Поставив передние лапы на тушу рогатого быка-изюбра, она смотрела в их сторону и тихим грудным голосом подзывала к себе. Лишь позже Ригма узнала, что безобидный олень-самец в брачную пору своей жизни может напугать ревом не только неопытного тигренка, но и взрослого зверя. На Сихотэ-Алине надолго установилась яркая, звонкая осень. Лесные опушки и дубовые релки, привлекавшие зверей обилием разной пищи, теперь хорошо просматривались. В них стали чаще появляться люди. Начались передвижения кабаньих табунов и изюбров с закрайков тайги в глубь горных лесов. Сытая жизнь наступила для тигров.

Казалось, ничто не предвещало быстрого приближения зимы, только морозы крепчали по ночам, покрывая стекловидным льдом мелководные заводи лесных протоков. Как-то ночью Ригма увидела медведя, забиравшегося на старую сухую липу. Ригма инстинктивно боялась ходить по свежим следам косматых великанов, и только близость матери успокоила ее. Медведь и не подозревал, что из-за густого куста лещины за ним следят немигающие глаза тигренка. Добравшись до зияющего черного отверстия дупла, он затолкал в него по самые плечи голову и с силой втянул в себя пахнущий гнилью воздух, убедившись, что дупло необитаемо, медведь вскарабкался выше отверстия и, опустив в него задние лапы, стал спускаться, пока не исчез весь. Напрасно Ригма ждала, что медведь вылезет обратно. На всю долгую зиму обосновался внутри пустотелого дерева косолапый.

Утром на небе, задернутом толстым слоем облаков, солнце не появилось. В воздухе проносились белые «мухи». Опускаясь на шерсть Ригмы, они исчезали, оставляя после себя капельки воды. Вскоре снег повалил столь обильно, что за день покрыл всю землю.

Ригма не узнавала знакомых полей и косогоров. Теперь любое движение зверя или птицы она быстро улавливала издали, но и сама становилась более заметной для тех, к кому подкрадывалась. Лежать на снегу было мягко, но холодно, и Ригма забивалась под густой лапник елей — здесь землю покрывал толстый слой прошлогодней хвои. Двое суток шел снег. Затем резко похолодало. До зимы — всего лишь месяц. Лишь черноголовые дубоносы никак не хотели признавать ее приход, звонко распевая на вершинах обнаженных берез.

С наступлением зимы старая тигрица направилась к местам, где кедровые росли вперемежку с дубом. Здесь паслись табуны кабанов, привлеченные осыпавшимися на землю желудями и кедровыми шишками.

Вместе с кабанями лакомились желудями изюбры и косули, доставая их из-под снега с земли, усыпанной опавшими листьями.

Стояла охотничья пора. Кабаны привлекали к себе не только тигров: многие охотники стремились добыть побольше жирной кабанины. У полосатых владык северных джунглей появились опасные конкуренты. Нередко, услышав лай собак и выстрелы, тигрица поворачивала обратно, не желая сталкиваться с промысловиками, а те все глубже проникали в леса, и казалось, что нет места, где бы не грохотали ружейные выстрелы. Только большой опыт тигрицы позволял ей вовремя обходить зверобоев, не сталкиваясь с их собаками. Самые опасные для нее люди — тигроловы — еще не появились в зимних лесах. На высоком обрывистом берегу Амурской протоки у самого спуска к реке приткнулся ничем не примечательный бревенчатый домишко под дощатой крышей. Наличники окон и фронтон его украшены скромными деревянными «кружевами». Вместо распространенных в поселке сливовых деревьев около дома растут две пышные елочки. Хозяин дома Аверьян Матвеевич Калугин — профессиональный охотник. На просторном, хорошо убранном дворе

привязаны на цепь две молчаливые, не обращающие внимания на прохожих собаки. Волчья окраска и загнутые серпом кверху хвосты обличают в них лаек, но длинные висячие уши красноречиво доказывают наличие в роду легавых. Вошедший в дом попадал в прихожую, объединенную с кухней и отгороженную деревянной переборкой от большой комнаты с пятью окнами, уставленными фикусами. Из общей комнаты — «залы» — две двери вели в спальни хозяина и его девятерых детей. Ни на стенах, ни на шкафах и комоды не было видно не только оружия, но и какого-либо охотничьего снаряжения. Лишь изюбриные рога, висевшие в прихожей, подтверждали род занятий Калугина.

— А ну-ка, Колька, включи радио, какая завтра погода будет? — обратился Калугин к младшему сыну, делавшему уроки. — Эк похолодало. Того и гляди снег повалит, а мы еще дома сидим. Надо завтра в тайгу подаваться. Мать, сухари скоро готовы будут?

— Почти готовы!

— Ну, ладно, собирай, что ли, котомку, а я пойду бригаду поднимать.

С этими словами Аверьян направился к своим товарищам по охоте. Бригада Калугина состояла из трех человек: Федора Проскурякова, Луки Горбунова и Дмитрия Золотарева. Все они жили неподалеку. Не прошло и часу, как бригада собралась у Золотарева. Решили на следующий день ехать до станции Вяземской, затем добираться до Медвежьего по узкоколейке, а там податься на Светлый ключ, где у Аверьяна стояло зимовье. В этом году бригада Калугина выходила на промысел последней. Лишь несколько дней тому назад пришло в промхоз задание на отлов тигров; ждали его еще с начала осени, оно-то и задержало Калугина.

Теперь, кроме добычи пушнины, бригада должна была отстрелять восемь кабанов и поймать живьем двух тигрят. Не впервые выходил Калугин на промысел — на его счету было более двадцати тигров, — но каждый раз с волнением подписывал договор.

Вернулся Аверьян домой поздно. Его жена Анисья укладывала в объемистый рюкзак мешочки с сушеным луком, сухим молоком и крахмалом. Основные продукты — хлеб, сахар, масло, крупу — охотники возьмут на Медвежьем. Патроны, охотничье снаряжение — топор в чехле, нож, прибор для чистки винтовки, компас и небольшую аптечку — обычно укладывал он сам.

— Ну, мать, завтра отчаливаем, а теперь спать!

Упругая сетка никелированной кровати бесшумно подалась под могучим телом Калугина. Но ни тепло и покой этой кровати, ни вкусные борщи и пельмени, которые так мастерски умела стряпать Анисья, ни даже ее ласковое, теплое отношение к мужу не могли удержать старого охотника дома. Надвигался охотничий сезон — и он на несколько месяцев уходил в лес, ночевал в лучшем случае на жестких, с торчащими сучками нарах охотничьих барачков или ежился у костров, довольствуясь незатейливой похлебкой, а то и просто чаем с замерзшим хлебом. На промысле он не только не тосковал о семейном уюте и удобствах, но даже забывал об Анисье и детях, о Красной Речке и доме, отдавая всем сердцем во власть древнейшей страсти человека — охоте. Только в конце зимы, а то и в начале весны возвращался он домой, иногда привозя свои трофеи на большой лодке, сделанной им самим в лесу из сухостойника.

За внешней сдержанностью Калугина скрывались постоянство и большая его привязанность к жене. Еще задолго до отъезда в лес он навел образцовый порядок в хозяйстве: подвез к дому стог сена, утеплил хлев для коровы, наколот дров на четыре месяца.

Анисья и сама слыла хорошей хозяйкой, все спорилось в ее руках: дети ходили чистыми, опрятным, а полы в доме настолько блестели, что навещавшие Калугина приятели стеснялись в сапогах входить в комнаты и скромно садились в прихожей, пряча ноги под табуретку. Поначалу Анисья волновалась за мужа и даже требовала, чтобы он бросил охоту и перешел в совхоз пасечником, но спокойная уверенность Калугина в своей силе и охотничьем счастье передалась с годами и ей, а может, как знать, и в ее жилах текла кровь древних охотников, — и Анисья крепко сжилась с судьбой жены зверового промысловика и как умела помогала мужу.

Чуть свет Калугин спустился с крылечка, отвязал поскуливавших от возбуждения и холода собак и вышел за калитку. Заходя за угол, он бросил прощальный взгляд на окно дома, в котором белело

грустное лицо Анисьи.

Калугин шел медленной походкой человека, несущего тяжесть, хотя рюкзак его был сравнительно легкий, — просто он не хотел вспотеть. Обычно бригада собиралась у Золотарева, дом которого стоял в центре поселка.

Дмитрий Золотарев происходил из уссурийских казаков, переехавших на Красную Речку со станции Тихонькая еще до революции. Он издавна держал лошадь, так как не представлял себе охоту без коня. В пору его молодости вокруг Тихонькой водилось много коз. Дмитрий настреливал за зиму по два, а то и по три десятка косуль, часть которых продавал на базаре. Вывезти такое количество зверя без лошади было немыслимо. Умение ловко обращаться с конем да еще невероятная физическая сила Дмитрия пригодились в бригаде, где ему поручалась вывозка добытых зверей. Хотя совсем рассвело, в окне Золотарева горел электрический свет. Все были в сборе и поджидали Калугина. Не занося в избу оружия и рюкзака, Аверьян шагнул в кухню.

— Здорово, хлопцы!

— Здорово, батько! — отвечали все хором.

— Может, пельмешками из кеты закусишь? — предложил Золотарев, подвигая Калугину миску с пельменями.

— Спасибо, я только от стола.

— Ну как, автобусом или поездом? — спросил самый молодой член бригады, Горбунов.

— Да, пожалуй, автобусом сподручнее: он как раз у переезда останавливается.

Жена Дмитрия Золотарева не имела детей, а потому с мужем расставалась всегда со слезой, не стесняясь своей слабости. Сунув в карман его суконной тужурки пару горячих пирогов, она помогла ему закинуть за плечи трехпудовый «сидор», как в шутку называл он свой рюкзак, и широко распахнула дверь. Все вышли во двор.

— Ну, Дарья, бывай здорова! Жди к Новому году, — улыбнулся Дмитрий.

Громко хлопнула калитка, и охотники, ведя на сворках собак, направились к автобусной остановке. Кондуктор автобуса — бойкая девушка узнала Калугина и благосклонно разрешила бригаде посадить своих четвероногих помощников, хотя, по строгому правилу автобусной конторы, этого не полагалось.

Вдоль асфальтированного шоссе тянулись поля, разделенные низкорослым дубняком и орешником; лист на деревьях давно пожух, но не падал на землю. В дни своей молодости Калугин любил охотиться в таких перелесках за фазанами. Он находил их без собаки, по едва видимым следам в «порхалищах», где фазаны, как домашние куры, «купались» в песке.

После четырехчасового пути охотники высадились у Вяземского лесного склада. Отсюда предстояло ехать на Сихотэ-Алинь узкоколейкой, построенной для вывозки заготовленного леса. Маленькие, словно игрушечные, вагончики пассажирского поезда, в котором обычно ездили лесорубы, тянула «кукушка» — так в шутку назывался паровоз с непомерно большой и широкой трубой для улавливания искр.

Через три часа пути редкие, обожженные весенними палами дубово-березовые рощи сменились густыми кедрачами. Вот и первый сихотэ-алиньский перевал.

Уже в пути понаслышались новостей.

— Лимонника да винограда нынче много. Кедровой шишки и желудя очень мало, а вот маньчжурского ореха и лещины совсем нет, — рассказывал лесник. — Кабана и медведя поприбавилось, изюбр никуда не уходил.

— Белки пока маловато, может, ходовая пойдет.

За разговорами прошло полночи. Пронзительный свист «кукушки» известил о том, что поезд подходит к Медвежьему. На лесоучастке охотники закупили продукты, наняли лошадь, расспросили о переходах зверя. На следующее утро тронулись в путь. Впереди шел Калугин, за ним с лошадью Золотарев, остальные замыкали шествие. Земля на тропе подмерзла, шаги гулко отдавались в лесу. При переходе ключей лошадь взяла в илистой почве по самый живот. Тогда тигроловы быстро снимали с нее тяжелый вьюк, и коняга с трудом выбиралась из трясины.

Лишь вечером мокрые от пота охотники и лошадь притащились к крохотному барачку. Широко распахнутая дверь его приглашала путников скорее войти внутрь, затопить печку.

Не прошло и недели, как охотничья избушка на Светлом ключе имела вполне обжитой вид. Бревенчатые стены высохли и посветлели. На четыре стороны вились утопанные в снегу тропинки.

Утром, едва солнце поднималось над заиндевевшими деревьями, охотники выходили на промысел. Каждый из них шел в направлении, избранном по желанию. Уже на второй день Золотарев принес в рюкзаке грудинку и кусок нежного внутреннего сала кабана. С этого дня мясо не переводилось на столе.

Разведав окружающие леса, промысловики срубили и поставили вдоль троп кулемки [Кулемка — деревянная опадная ловушка, сделанная на месте промысла.] на колонка, приманкой служили внутренности кабана и мясо рябчиков. Возле полыней ставили капканы на норку и выдру.

Преследуя табун кабанов, Золотарев встретил свежие тигриные следы. Боясь отпугнуть выстрелами драгоценных зверей, он отказался от охоты на кабанов и вернулся в избушку. Вечером, когда все собрались за дощатым столом, на котором едва уместились четыре объемистые миски с дымящейся похлебкой, Золотарев не спеша рассказывал об увиденном:

— По всему видать, на Светлом живет семья полосатых. Фарт сам идет в руку! — заключил он.

Тигрят надо было брать живьем. Из широкого медицинского бинта нарезали «концов», приготовили два просторных пеньковых мешка, проверили крепость поводков для собак. Тщательно наточили топоры и ножи. Узкая поперечная пила, согнутая кольцом, вошла в обширный рюкзак Золотарева, туда же он сунул на всякий случай одеяло. Спать легли пораньше.

В тот вечер Калугин долго не мог уснуть. Сам по себе зверь не страшен, но кто поручится, что тигрица, заступаясь за своих тигрят, не убьет человека? Риск, конечно, немалый. Куда спокойнее добывать соболей, норок. Но ведь он прежде всего охотник, а «зверя бояться — в лес не ходить». Люди устраивают зоопарки и зверинцы, чтобы полюбоваться разным зверьем, а без тигра какой же это зверинец? Нужно же кому-то ловить этих сильных красивых зверей. Правда, гоняться за ними трудно, нужно иметь здоровое сердце, но уж коли взял, то любо поглядеть: что клыки, что шкура! Да и рыкнет — аж земля вздрагивает. Не каждому доводится хватать за загривок царя зверей, побеждать его в честной схватке...

Сердце Калугина наполнилось профессиональной гордостью и уважением к своему нелегкому, но нужному людям труду тигролова.

Безмятежным сном спали его товарищи. Монотонно шипели дрова в жестяной печке... В лесу еще царила непроглядная темень, а тигроловы были уже на ногах. Горбунов сходил на ключ и принес котелки с водой — один под чай, другой под кашу, подбросил сухих кедровых дров в печку. Железная труба мигом покраснела от сильного огня, горячий воздух наполнил избушку, пришлось распахнуть дверь. Здесь толпились собаки, терпеливо ожидая завтрака. Предчувствуя, что за тиграми предстоит многодневная погоня, охотники обувались тщательно: намотав по две суконные портянки, они натягивали на ноги олочи — кожаные носки с войлочными стельками; суконные просторные брюки выпускались поверх оloch и плотно обматывались у щиколотки оборками; шерстяные гимнастерки заправлялись в брюки. На ремне с одной стороны — охотничий нож в глубоких деревянных ножнах, с другой — плоский патронташ для трех обойм с патронами.

Солнце еще не вышло из-за горизонта, когда охотники во главе с Золотаревым, ведя на поводках собак, углубились в лес по одной из троп на восток от избушки.

Шли молча, ступая след в след, и, лишь пройдя километра четыре, сели, как по команде, на ствол поваленного ветром кедра. Изменяя распространенной среди охотников привычке к табаку, в бригаде Калугина никто не курил.

Собаки настороженно прислушивались к шелестящим в березовой коре синицам.

Короткая передышка — и снова цепочка охотников замелькала между коричневыми стволами кедров. Она то медленно поднималась на водораздельный хребет, то шумно спускалась в распадок. Наконец Золотарев остановился и показал на огромный выворотень. Падая под напором

сильного ветра, кедр-исполин увлек на корнях почвенный слой и поставил его пятиметровой стеной на пути охотников. На снегу у этой естественной преграды виднелись круглые вмятины — следы тигрицы. Тигрята заинтересовались поваленным деревом, взбирались на его ствол и ходили по нему. Рассматривая следы, Калугин заметил:

— Тигрята еще совсем молодые, следок как у рыси, по тридцать килограммов будут, не более. Обстоятельство, что тигрята годовалые, и радовало, и тревожило. Брать их было легче, но за таких особенно ревностно заступалась мать. До глубокого вечера шла бригада по тигриным следам. После захода солнца Калугин стал подыскивать место для табора. Вскоре бригадир заметил давно усохший ствол. Около него виднелись два высоких пня. Выгнившие в середине, они поднимались словно желтые трубы.

— Вот тут и заночуем, — остановился Калугин. — Дрова хорошие, и под бок положить есть что. Скинув рюкзаки и отпустив собак, охотники принялись готовиться к ночлегу: Проскураков пошел искать воду, Золотарев с Горбуновым взялись кромсать пустотелые пни, Калугин развел небольшой костер. На кол, наискось воткнутый в землю, повесили котелки с водой, которую Проскураков обнаружил в незамерзающем ключике. Мороз был несильный, но на длинную ноябрьскую ночь требовалось много дров. После ужина Калугин подошел к сухому кедр, отколол топором несколько смолистых щеп и поднес к ним зажженную спичку. Огонек робко перекинулся на щепу, расплылся синим коптящим пламенем по стволу кедр, лишенному коры, и юркнул в обширное дупло. Вскоре из верхнего отверстия пустотелого дерева, находившегося на десятиметровой высоте, повалили клубы черного дыма. Кедр вспыхнул, как гигантский факел. Щурясь от яркого пламени, охотники обступили горящий кедр и принялись сушить свои коротко обрезанные шинели, затем они развесили портянки, а Золотарев, потевший больше всех, разделся догола и, накинув на плечи сухую теплую шинель, просушил нижнее белье, гимнастерку и шаровары.

Более двух часов горел кедр, затем он стал потрескивать, покряхтывать и рухнул на землю, подняв в небо облако снежной пыли и искр. Стащив в кучу куски горячего дерева, охотники уложили вокруг длинного костра корытообразные обломки срубленных пней, улеглись на них, словно на садовых скамейках. За ночь костер прогорал несколько раз, и им приходилось подтаскивать свои деревянные «ложа» ближе к огню.

Определив по звездам предрассветный час, Калугин поднялся.

— Ну что, дружина? Сегодня, наверное, догоним, — обратился он к своим товарищам. — С годовалыми тигрица далеко не ходит. Подфартило же тебе, Золотарев, годовичков найти. Давайте завтракать — и по следу!

Предположение Калугина сбылось. Во второй половине дня они вышли на поляну, где незадолго до их прихода тигрята лакомились молодой кабаниной. Тигрица, лежавшая под густой елью на земле, лишенной снега, первая услышала шелест шагов. Ее зоркие глаза еще издали уловили силуэты людей и собак. Она отрывисто и глухо рявкнула, забила в беспокойстве хвостом по снегу и метнулась в сторону. Сигнал опасности, поданный матерью, вызвал у Ригмы страх: шерсть поднялась, глаза расширились, и она вместе с братом последовала за тигрицей. Легко и бесшумно мелькали в зарослях желтые звери. Они были отчетливо видны на белом фоне снега среди серых стволов деревьев, но стоило им остановиться, как вся семья словно растворялась среди зарослей.

— Вот где они пировали! — воскликнул Калугин, выходя на поляну. — Ну, ребята, собак пускать не сразу. Лука, отвязывай! Ты, Федор, своему намордник надень. Тигрята малые — порвет!

Дав понюхать собакам следы, охотники отпустили двух из них и разрядили ружья в воздух. Затем Калугин крепко завязал челюсти своему повизгивающему от нетерпения Чеку и также отвязал его со сворки. Вслед за Чеком убежал и Бельчик Дмитрия, пес вязкий, но трусливый. Теперь охотники беспорядочно бежали по тигровым и собачьим следам.

Ригма отстала от матери и старалась не упускать из вида брата. Она видела, как две черные собаки с ходу бросились на него, сбили с ног, но тут же с визгом отскочили в стороны, испробовав остроту его когтей. Сменив направление бега, брат Ригмы устремился к спасительным зарослям густого пихтарника, но наперерез ему бросились с отчаянным лаем две другие собаки. Ригма

видела, как заметался между деревьев брат, как снова его догнали черные собаки и, сбив с ног, начали прижимать к земле. Две другие собаки лаяли на расстоянии. Ригма бежала по следам матери. Впервые в жизни ее сердце наполнил ужас. Поднявшись на сопку, она увидела поджидавшую ее мать и успокоилась: мать в обиду не даст.

Пока тигры удалялись от места встречи с ловцами, собаки, окружив оставшего тигренка, принудили его залезть под выворотень и оттуда, как из пещеры, отбиваться лапами. Не будь у самых злобных псов челюсти завязанными, они задушили бы его.

Первым к месту свалки подоспел Калугин. Видя, что тигренок сам залез в западню, он стал ловить собак и привязывать их к деревьям. Подбежавшие охотники помогли ему. Когда собаки были отстранены, ловцы принялись вытаскивать тигренка из-под выворотня. Набросив с помощью палок на него одеяло, они прижали зверя к корням, а затем, надев на переднюю лапу веревочную петлю, вытащили его наружу и связали бинтами.

Оставив возле пленника Луку, остальные тигроловы пустились догонять Ригму. Не привыкшая к длительному бегу, потеряв из вида мать, она забилась в буреломе и там затаилась, чутко прислушиваясь к каждому шороху. Старая тигрица могла уйти от преследователей, и никакие собаки не догнали бы ее, если бы великий инстинкт материнства не привязывал ее стальной петлей к опасному месту. Молодой охотник, стороживший дорогую добычу, и не подозревал, что из гущи лесной заросли на него смотрят, мерцая огнем жгучей ненависти, два зеленых тигриных глаза. Зашевелись или подай голос тигренок, мать поспешила бы к нему на помощь, и тогда несдобровать Луке. Неслышно подползла бы она к нему на животе из-за укрытия и в два огромных прыжка, как падающее дерево, обрушилась бы на беспечного парня... Но тигренок лежал без движения и не подавал голоса. Может, он мертв? Обойдя Луку на приличном расстоянии, тигрица направилась разыскивать Ригму, к которой тем временем подходили охотники.

Как ни горел желанием Калугин продолжить поиск, ночная тьма остановила охотников на тигриных следах. Тут уж не до удобств. Разведя маленький костер, люди просидели над ним остаток ночи.

Накипятив из снега горьковатой воды, они заварили ее лимонником, разлили по кружкам и поужинали мерзлым хлебом с салом. Хотя сон был кратким, усталость прошла. Только на войне да на охоте потрясенная нервная система творит чудеса с человеческим организмом, и он становится способным переносить напряжения, немыслимые в обычной жизни.

Наступил день, и возобновилось преследование тигров. Собаки, обнаружив Ригму в буреломе, окружили ее со всех сторон. Они не могли ее атаковать, но и не давали выбрать надежный путь к отступлению. Желая напугать своих врагов, Ригма громко рыкала и шипела, отчего собаки еще больше входили в азарт и норовили вцепиться в ее бока. На помощь собакам бежали охотники, не подозревая, что с другой стороны к ветровалу кралась старая тигрица. Завидя хозяев, собаки смелее накинулись на Ригму, но она вдруг сделала высокий прыжок и, перемахнув через преследовательниц, устремилась в чистый кедровник. Собаки оказались проворнее: как ни напрягала она последние силы, два серых пса, сорвав намордники, почти одновременно схватили ее за задние лапы. От боли Ригма издала резкий гортанный звук, который был воспринят матерью как крик о помощи. Не успели собаки опомниться, как одна из них была отброшена ударом лапы тигрицы, а другая судорожно забилась в ее пасти.

Подбегая, Калугин даже расслышал, как отчаянный вопль его любимого Чека слился с леденящим душу хрустом раздробляемого позвоночника. Швырнув бездыханного врага через плечо, тигрица ловким прыжком, словно ловящая мышшь гигантская кошка, прижала передними лапами к земле еще одну жертву. Мгновенный удар клыков — и пес превратился в бесформенную массу на снегу. Оставшиеся в живых Бельчик и Тайга бросились наутек, поджав хвосты.

Калугин в отчаянии сбросил с плеча карабин и не целясь, желая только отпугнуть зверя, дважды подряд выстрелил. Описав петлю, собаки бросились ему под ноги, приведя на «хвосте» рассвирепевшую тигрицу. Калугин, как истый тигролов, осуждал тех, кто стрелял, даже в целях самозащиты, в редких зверей. И когда тигрица, оставив собак, кинулась на него, он только

перекинул карабин и сунул приклад в ее пасть, словно перед ним была не старая тигрица, а тигренок. Крепко сжимал карабин Калугин, да удар тигриной лапы по прикладу оказался настолько силен, что оружие вырвалось из его рук и отлетело на несколько метров в сторону. Сорвав с головы меховую шапку, бывалый следопыт сунул ее вместе с рукой в оскаленную пасть наседавшего зверя, но сомкнувшиеся челюсти «прошили» руку с ушанкой. Тигрица поднялась на дыбы и передними лапами нанесла несколько сильных ударов по плечам и голове Калугина. В ушах у него зазвенело, и что-то горячее полилось за ворот гимнастерки. Теряя сознание, Калугин увидел, как у самого его лица раскрылась клыкастая пасть... «Конец!» — мелькнуло в его затуманенном сознании.

Как будто издалека донеслись звуки выстрелов и крики бросившихся на выручку товарищей... Через мгновение Калугин очнулся. Он хорошо расслышал голос Золотарева:

— Тигрица готова!

— Крепись, Аверьян, сейчас освободим.

Дмитрий и Федор оттащили в сторону вздрагивавшую тигриную тушу, помогли Калугину подняться. Сплюнув кровавый сгусток на снег, он попытался надеть на голову шапку, но рука не повиновалась. Товарищи торопливо осматривали его, желая скорее убедиться, что раны не смертельны.

Тигрица успела прокусить плечо Аверьяна, несмотря на пиджак из прочного солдатского сукна, и раны от ее клыков были довольно глубоки. К счастью, кости плеча и крупные кровеносные сосуды остались целы. Ударом лапы тигрица повредила Аверьяну нижнюю челюсть и когтями порвала кожу на шее. Сгоряча он не почувствовал боли, дал перевязать себя нижней рубашкой и бинтами.

Ригма видела, как мать, умертвив двух собак, бросилась на охотника, как подоспевшие тигроловы стреляли в нее. Она была уверена, что мать обратит врагов в бегство, а затем скроется с ней в горах. Отбежав с километр, Ригма остановилась, но ужас снова овладел ее сердцем и она на махах стала уходить от страшного места.

Золотарев советовал переночевать, а утром наикратчайшим путем возвратиться в избушку. Федору же поручалось идти за Лукой и вдвоем с ним тащить тигренка.

Грустная ночь наступила для тигроловов. Как-то перенесет раны Калугин, дойдет ли сам до избушки? Усадив у костра Аверьяна и напоив его крепким чаем, охотники сняли с тигрицы шкуру, схоронили в дупле старой липы своих лучших псов, поужинали вареной тигрятинной. Аверьян кроме теплой воды ничего не мог проглотить. Челюсть его распухла, раны болели.

— Хоть и жаркий костер, грудь — в тепле, спина мерзнет. Давайте второй разведем, — предложил Федор. — Аверьян между кострами ляжет, — тогда ворочаться ему не надо.

Запылал еще один костер. Калугин лежал в дремотном забытьи. Поддерживая огонь, товарищи следили за тем, чтобы одежда на Аверьяне не загорелась от искр. Вспоминая о несчастных случаях на охоте, Золотарев неторопливо рассказывал:

— Меня в молодости тоже зверь драл. Охотился я на Алчане. Ружьишко слабое, одноствольная переломка. Нашел дупло с белорудым медведем, давай в него прутком ширять. Вылезай-де наружу! Поначалу медведь палку закусывал, потом, гляжу, — полез. Сквозь дупло вроде пятно на груди сбелело, ну я и пальнул, но пуля, видать, не по месту ударила. Медведь рывкнул, да на меня с дерева и сиганул. Сбил, конечно, с ног, втоптал в снег и давай когтями рвать. Телогрейка на мне толстая, только вата клочьями летит. Силюсь подняться, надо скорее добить зверя, а он меня лапой... Хоть удар и скользом пришелся, но кожу с волосами на голове наполовину завернул. Кровища хлынула. И такая меня злость взяла, что и боли не почувствовал. Схватил ружье за ствол да как врежу по медвежьей башке, аж приклад вдребезги. Рывкнул медведь — в сторону. Протер я глаза, а его и след простыл. Прибег на зимовье. К черепу кожу аккуратно приладил, а сверху пригоршню соли высыпал. Слышал, что при таких ранениях — первейшее средство.

— Это ты зря, — вставил Федор, — свежей золой засыпать надо.

— Золу не пробовал, а соль помогла, — улыбнулся Золотарев. — В ту пору ни докторов, ни фершалов в наших деревнях не было. Лечись кто как может.

В течение ночи охотники не давали угаснуть огню, заботились, чтобы Калугин все время находился в тепле. Утром Аверьян едва поднялся. Бригада разделилась: Калугин с Золотаревым тронулись в обратный путь. Впереди шел Золотарев. Он нес два карабина и рюкзак Калугина. К обеду показалась избушка. Ночевать в ней не решились. Короткая передышка, несколько глотков теплого чая — и снова в путь. Лишь поздней ночью они пришли в поселок.

Молодой врач внимательно осмотрел пострадавшего, сделал перевязку и уколы против столбняка. Он настаивал на срочном выезде в районную больницу для накладки швов. С первым попутным товарняком охотники направились в районный центр. Тяжело было Золотареву отводить друга в больницу, отдавать его в руки хирурга. Не боящиеся звериных клыков и когтей, эти мужественные бородачи робели перед шприцем и скальпелем. Оставив Аверьяна в больнице, Золотарев в тот же день вернулся на лесоучасток, а затем в охотничью избушку: при вывозке драгоценной добычи его помощь была необходима. Осиротевшая Ригма в течение нескольких дней ничего не ела. Ночевала она в старых кабаньих гайнах [Гайно — гнездо для ночевки, устраиваемое кабанами на земле из мелких веток и сухой травы.]. Прошло две недели. Желудок все настойчивее требовал пищи, но добыть себе на обед оленя или кабана Ригма еще не умела. К счастью, в ту зиму в лесу водилось много полевков. Стоило Ригме остановиться и прислушаться, как в то же мгновение до нее доносился шорох. Это под снегом суетились короткохвостые мыши. И хотя Ригма принадлежала к лесной «знати», она была прежде всего кошкой. Может, именно поэтому она не пренебрегала лесными мышами и ловила их во множестве.

Как-то ночью ей посчастливилось поймать зайца. Испугавшись лисы, косой сам прискакал к ней в лапы. И все же для изголодавшейся молодой тигрицы это были крохи, и она мечтала о сочном мясе кабана и нежной изюбятине.

Поселившись в районе, облюбованной кабанами, Ригма ходила по их тропам. Она много раз видела пасущийся кабаньих табун, близко подкрадывалась к нему, но боялась схватить даже поросенка: вокруг, громко чавкая, поблескивая грозными клыками, ходили крупные секачи. Однажды Ригма подошла к гайну, с которого только что встала свинья с выводком поросят. Кабанье гнездо, высланное вейником, густо пахло и еще хранило тепло. Ригма прилегла на мягкую подстилку и от удовольствия зажмурилась. Дремоту мгновенно прогнал шорох легких шажков приближающегося зверя. Ригма припала к земле и вся превратилась в слух и зрение. Вскоре она увидела, что по тропе бежит маленький поросенок, — Ригме он показался беззащитным. Малыш, возмечтавший поспать часок-другой в теплом гайне, находился почти у заветной цели, как вдруг навстречу ему выпрыгнул полосатый зверь. Резкий верещащий крик взметнулся в холодное серое небо и тут же оборвался.

Впервые в жизни самостоятельно овладела Ригма добычей, достойной ее «царского» происхождения. За три дня она съела поросенка с кожей и костями головы и почувствовала прилив сил и уверенности. После этого случая она осмелела и решилась на более дерзкое нападение.

Кабаньих табун голов в сорок безмятежно пасся на хвоще, вырывая его из-под снега. Ригма несколько раз обошла зверей на почтительном расстоянии. Место было вполне подходящее для успешного нападения, но план осложнялся тем, что вместе с кабанами ходили два изюбра. От их зорких глаз трудно было укрыться даже тигру. Ночью Ригма сумела бы обмануть бдительность оленей, но днем от нее требовались большая выдержка и терпение, а этими качествами молодая тигрица еще не обладала. И хотя Ригма, распластавшись на снегу, ползла от прикрытия к прикрытию подобно огромной полосатой змее, изюбры заметили ее. Подпрыгивая на месте, они совсем по-собачьи «залаляли» на тигренка. Кабаны хорошо знали, что «лай» изюбров является верным предупреждением об опасности. Они стремглав бросились на гору и скрылись за перевалом. Следом поскакали сторожкие изюбры.

Много было еще неудачных охот у Ригмы, но с каждым разом опыт ее обогащался.

Случилось, что Ригма вышла на свежие следы незнакомых ей тигров. Старая тигрица с двухгодовалыми тигрятами переходила в новый район охоты. На ее тропе оставалась недоеденная добыча, которой и пользовалась Ригма, отгоняя ворон и мелких зверушек. Вскоре тигрица

обнаружила Ригму. Удостоверившись, что перед ней тигренок, она не стала его преследовать. Тигрята хотели наброситься на незнакомку, но когда поняли ее доброжелательные намерения, стали заигрывать с ней, как бы приглашая следовать за собой. Вскоре Ригма вошла полноправным членом в новую семью, разделяя с ней все успехи и неудачи лесных охотников.

Старая тигрица, заменившая мать Ригме, была доброй мачехой. Она не обижала сироту. Лаская своих взрослых детей, уделяла ей нежности отнюдь не меньше, чем им. При удачной охоте уступала Ригме лучшую часть добычи и не позволяла своим тигрятам обижать ее.

Тигры жили дружной, веселой семьей, устраивали коллективные охоты, во время которых Ригма училась у старших, как выслеживать оленей и кабанов, подкрадываться к ним и мгновенно умерщвлять. Гора, где жили тигры, редко посещалась охотниками. Она носила краткое и странное название Ко, данное ей удэгейцами. Ригме казалось, что кроме человека и собак у тигров нет врагов и все четвероногие обитатели Сихотэ-Алиня боятся старой тигрицы, владычицы лесных дебрей. Вскоре она убедилась в ошибочности своего мнения.

В ту зиму во всех окрестных лесах из-за недостатка пищи большие бурые медведи не залегали в обычную спячку. Один старый шатун неотступно следовал за тигриной семьей, подбирая остатки их пиршеств. Медведь был худ и подслеповат. Черная тусклая шерсть свешивалась с его туловища длинными клочьями и местами слипалась от кедровой смолы. Когда он шел по утоптанной кабаньей тропе или по льду речки, длинные когти передних лап, выступавшие на добрый десяток сантиметров, зловеще выстукивали, как кастаньеты. Его вечно пустой желудок мог с успехом переваривать все, что попадало ему на зубы: зимний хвощ и траву, мясо кабана и его кости. Не гнушался он и падалью, грабил запасы охотников и припрятанную ими добычу. Большую часть найденного он съедал на месте, а что не мог проглотить, утаскивал и прятал про запас в укромных местах. Он имел прекрасное чутье, по интонациям вороньего крика мог определить, есть ли пожива у этих черных кумушек. Шатун не терпел себе подобных и жил мрачным отшельником. Сколько было ему лет, никто не знал. Очевидно, он был убежден, что является «старейшим», хозяином сихотэ-алиньских лесов.

Избегая встречи с тигрицей, бродяга не испытывал страха перед ней. Он просто не хотел заводить ссору, зная остроту тигриных зубов и когтей. Его вполне устраивала жизнь захребетника. Но если с главой семьи он обходился почтительно, то Ригму не терпел и однажды, застигнув ее за поздним завтраком, с ревом набросился на нее. Не раз отгонял медведь от добычи и взрослых тигрят. Они огрызались, но боялись трогать своего обидчика.

Шатун до того обнаглел, что как-то явился незванным гостем прямо к «обеденному столу». Тигрица, не успевшая утолить голод только что убитым изюбром, с яростью напала на медведя. Она ловко наградила пришельца сильными ударами передних лап, но пустить в ход свои смертоносные клыки не решалась, боясь попасть в железные объятия шатуна. Медведь, издавая оглушительный рев, принимал угрожающие позы: шерсть на его загривке встала дыбом, он выпускал длинные крепкие когти, загребая ими в воздухе. Очень не хотелось ему сразиться с ловким и опасным врагом, он лишь старался поскорее отпугнуть тигров от их добычи, источавшей столь аппетитный запах, что слюна, наполнявшая ему рот, падала на снег. По натуре, как и все медведи, шатун имел очень упрямый нрав и, когда нужно было добыть любимую и вкусную пищу, мог переносить сильное физическое напряжение и боль. Ссора могучих хищников сихотэ-алиньских лесов перешла в настоящую битву. Оба врага были чрезмерно голодны, а посему никто не хотел уступать. По законам тайги посягать на чужую добычу мог только сильнейший. Это поняли взрослые тигрята и, желая помочь матери, тоже начали теснить медведя. Видя, что его атакуют уже три тигра, медведь начал пятиться, прижимаясь задом к толстым деревьям, и вскоре оставил поле боя. Победителями на этот раз оказались тигры, но Ригма убедилась: кроме человека, нужно опасаться больших бурых медведей.

В середине зимы табуны кабанов перешли в распадки, густо поросшие зимним хвощом. Тигры облюбовали крутые солнечные склоны близлежащих сопок и изредка делали набеги на кабаньи стада. Насытившись, тигрята любили валяться на земле, устланной прошлогодними листьями. Они

грелись под скупыми лучами зимнего солнца. Желая хорошо выспаться, Ригма разыскивала старые брошенные гайна кабанов. Высланные сухим вейником и размочаленными ветками, эти большие гнезда были мягкими и сравнительно теплыми убежищами.

Зима на Сихотэ-Алине малоснежная, солнечная. В открытых долинах больших рек зимние муссоны пронизывают леденящими морозами все живое. В царстве густых смешанных лесов и невысоких сопок они стихают. Шум легкого ветра, запутавшегося в кронах исполинских кедров, доносится невнятно, словно шум далекого морского прибоя. Внизу, у самой земли, покрытой рыхлым, как пышная вата, мягким снегом, — тихо. Не шелохнет ветвь лещины сухими листьями, не упадут на землю снежные гирлянды, причудливо развешанные по кустарникам. Лишь только в начале зимы, пока ледяным панцирем не покроется Амур, да в преддверии ранней весны врываются в эти леса разрушительные циклоны. И тогда под напором ураганного ветра выворачиваются с корнем вековые кедры, ломаются старые липы.

Даже тридцатиградусные морозы были не страшны тиграм. Природа позаботилась об этих теплолюбивых животных: длинная шелковистая шерсть и довольно толстый слой жира под кожей надежно защищали их от стужи. В самую холодную часть суток — ночью и в предрассветные часы тигры бодрствовали. Они совершали обход своих владений, охотились. Тигрята играли и резвились с Ригмой. На деревья они не лазали, но валежины и полуповаленные ветром стволы привлекали их к себе: звери забирались на них, осматривая с высоты лесные дебри. С наступлением дня они выбирали место для отдыха и, пригревшись на солнцепеке, чутко дремали.

Тоскливо тянулись больничные дни Калугина. Его навещала Анисья, принося домашнюю снедь. Казалось, он вполне выздоровел. Накинув на плечи халат, едва прикрывавший колени, старый тигролов подолгу просиживал у окна. На горизонте виднелись едва различимые светло-голубые сопки. Там прошли лучшие годы его жизни. Услужливая память воскрешала сцены давно минувших охот, и он переживал их сызнова. Вспомнилась далекая юность. Он, русоволосый парень, впервые взял в руки ружье и затерялся в широком раздолье весенних амурских лугов. Словно пшеничное поле, колыхался по ветру золотистый вейник, и не было ему ни конца, ни края. Лишь изредка среди необозримого простора синели мелкие озерца с подступавшими к самой воде осиновыми рожицами. Тучи крикливых уток и стонущих куликов носились в небе.

Немного дичи добыл в первую свою охоту Калугин, но глубоко запала в душу великая радость общения с природой, полюбились голубые заливы с белоснежными лебедями, нависшие над водой зеленые ивы. И когда наступила осень и в небе поплыли на юг гусиные стаи, оставил он навсегда дымную кузницу и ушел в тайгу на промысел.

Есть в каждой стихии чарующая сила. Одних влечет море, иных манит небо. Калугина властно позвал к себе лес. Этот зов, подобный инстинкту, рожден был вместе с ним. Без него Калугин не стал бы следопытом. На охоте он больше всего ценил первозданную красоту леса. Ему доставляло радость прокладывать первый след в девственной тайге, наблюдать скрытую жизнь ее обитателей. Возвращаясь в избушку смертельно усталым, с пустым рюкзаком, он снимал шинель, промокшую от пота и растаявшего снега, и спокойно и уверенно готовился к новому дню охоты. Счастье его всегда было впереди, как зверь — в конце следа. Недюжинная сила и ловкость являлись залогом его успеха на промысле.

Вскоре Калугин постиг хитрые повадки зверей, понял потаенные законы их жизни. Поначалу он предавался спортивной страсти, соревнуясь со зверем в быстроте и выносливости. Он хвалил себя за меткий выстрел, но все чаще и чаще проникала в душу жалость к зверю, и лишь ловля тигров живьем всегда веселила его бесхитростное сердце: добытый зверь оставался живым.

Лежа на постели, Калугин раздумывал о своих товарищах, оставшихся в тайге. Стоял разгар зимнего промысла, а для настоящего охотника нет ничего мучительнее, как сидеть в такую пору дома, поглядывать с тоской на перепадающие за окном пороши. Не хотелось, чтобы без него ловили тигров, он даже ревновал приятелей к заветным берложьим местам. Лечивший Калугина молодой хирург тоже увлекался охотой. Делая обход больных, он подолгу останавливался около тигролова.

— Отпустили бы вы меня, доктор, пустяки, маленько зверь поцарапал, — просил Аверьян. — Перевязки я и сам умею делать. В лесу скорее поправлюсь.

Но хирург не соглашался. Прошло около месяца, прежде чем Калугина выписали из больницы. Тем временем его товарищи вывезли из лесу брата Ригмы и сдали его на базу «Зооцентра».

Аверьян не стал засиживаться дома. Напрасно Анисья убеждала его не ходить до следующего сезона на промысел. Ничто не могло так быстро восстановить силы Аверьяна, как целебное воздействие девственного леса. Он снова отправился на Светлый ключ — там находились его товарищи.

— За кабанами да за медведями не буду мотаться, а за пушниной похожу, — сказал он на прощанье Анисье.

Прошла зима. С богатой добычей вернулась бригада Калугина. Сотни белок, десятки колонков, норок сдали охотники на приемный пункт. Теперь перед ними стояла задача обзавестись хорошими собаками.

— На будущий год все равно план выполним: двух тигров обязательно поймаем, — твердо заявил Аверьян Матвеевич на вопрос директора промхоза, будет ли он после ранения продолжать ловлю тигров.

Наступила вторая весна в жизни Ригмы. Теперь она уже не беспомощный тигренок, таращащий глаза на все движущееся. Под великолепной золотисто-белоснежной шкурой молодой тигрицы крепили и разрастались могучие мышцы царственного хищника, способные при необходимости толкнуть ее упругое тело на несколько метров вперед. Не только подвинки, но и молодые изюбры могли стать ее жертвой. Старшим тигрятам исполнилось по три года. Они мало чем отличались от взрослых зверей и переходили на самостоятельную жизнь, подолгу пропадая на дальних переходах, затем снова возвращались, чтобы совместно поохотиться на оленей. К Ригме они относились по-прежнему дружелюбно, явно тяготясь ее нерешительностью. В эту пору Ригма еще теснее сблизилась со своей приемной матерью, а та весь остаток материнских чувств перенесла на сироту.

Весеннее солнце да теплые ветерки испарили снег задолго до вскрытия рек, не разливающихся весной. Снова наступило время лесных пожаров. И все-таки жить Ригме стало гораздо легче, чем зимой, хотя по шуршащему листу очень трудно подойти не только к изюбрам, а даже к роющим землю кабанам. Зато как сливалась ее необычная расцветка с весенним березняком, усыпанным желтой листвой! Когда, проплывая между тонкоствольными березами, Ригма останавливалась, ее теряла из вида даже старая тигрица, обладавшая очень острым зрением. Прошла весна. Летние муссоны еще долго не приносили дождевых туч. Обмелели реки. Изюбры, у которых отрастали новые рога, забирались в непролазные чащи; свои нежные панты олени-быки несли осторожно: прикосновение к ним даже тонкой веточки вызывало у животных боль. В эти знойные солнечные дни Ригма спускалась к тихому заливу горной реки и ложилась в воду. Тучи комаров и слепней звенели вокруг. Иногда она переплывала залив и подолгу нежилась в тени ивовых зарослей на сырой илистой почве.

Лето — лучшая пора в жизни Ригмы. В лесу нет охотников. Только один раз видела она человека. Он снимал кору с толстых бархатов и относил ее к берегу реки, где складывал между вбитыми в землю кольями. Хорошо жилось летом, буйная растительность скрадывала шаги, скрывала с головой. И какой только пищи нет в распоряжении тигров! Больше всего Ригма любила мясо молодого кабана и оленя. Ради лакомства ловила птиц, бурундуков и крупных кузнечиков. Она поела даже траву и лесные ягоды, необходимые ей как витамины.

К лету Ригма потеряла свой длинный волос. На фоне яркой зелени ее выдавал белесый наряд, но она охотилась главным образом ночью и в сумерках, и наряд не особенно мешал успеху охот.

Лето минуло незаметно. Сентябрьские утренние заморозки посеребрили лесные поляны. Как-то, переходя горную реку Катэн, Ригма услышала громкое всплескивание воды, словно какой-то зверь брел руслом. Мгновенно выпрыгнув на крутой берег, она внимательно осмотрела перекаат реки, откуда доносился непонятный шум, но на реке никого не было. Может, зверь уже перешел реку и

стоит где-то в прибрежной заросли? Желая выяснить причину всплеска, Ригма подошла к перекаату и стала принюхиваться к мокрой гальке. Вдруг крупная рыбина с красноватыми боками и загнутыми зубастыми челюстями выбросилась на мелководье переката и, энергично извиваясь всем телом, поползла вверх против течения, словно гигантская ящерица. Ригма настигла рыбу, схватила ее зубами и вынесла на берег. Это был морской лосось — кета, пришедшая на нерест.

С большим наслаждением съела Ригма лосося. Все кошки мира равнодушны к рыбе: ведь она редко перепадает им на обед! После этого Ригма неоднократно появлялась на катэнском перекаате, подкарауливая проходящую кету, пока лед не покрывал реку.

На Сихотэ-Алинь снова пришла зима. Желтые полосы и светлая окраска Ригмы делали ее совсем незаметной на фоне заснеженного леса.

С наступлением зимы лес снова наполнился охотниками. Всюду слышались выстрелы, лай собак. И тигры, как по команде, скрылись в глухих отдаленных дебрях, где редко ступала нога промысловика. Еще до начала охотничьего сезона Аверьяна Калугина вызвали в промхоз.

— Возьмешься ловить тигров? — спросил охотовед. — Нынче имеем план поставить четырех тигрят для нашего Госцирка. Двух думали дать тебе, а двух — бригаде Авдеева.

— Обязательно возьмемся, — ответил Калугин. — Вот только куда податься? На Светлом тигриных следов нет.

— Езжайте на Катэн. Удэгеец Мирон на пантовке там был, четыре свежих следа на косе видел. Ну, так как, будем заключать договор?

Сообщение о свежих тигриных следах наполнило радостью охотничье сердце Калугина. Похлопывая и потирая руки от удовольствия, он улыбнулся, отчего обычно хмурое лицо его стало красивым, взял бланк договора и сел заполнять.

Выйдя из промхоза, Калугин пошел разыскивать свою бригаду, чтобы сообщить товарищам о скором выезде на промысел. Летом они охотились за пантами, искали женьшень и заготавливали кору бархата амурского, собирали ягоду лимонника. Осенью и весной ловили рыбу, зимой промышляли разного зверя.

За крупных трехлетних тигрят охотникам выплачивали по тысяче двести рублей. Кроме того, ни один зверь не приносил столько славы охотнику, как пойманный тигр. Корреспонденты каждый год фотографировали бригаду Калугина, писали о ней небывалые истории, над которыми посмеивались сами тигроловы, но все-таки видеть в газете свое изображение было каждому приятно.

Не прошло и недели, как бригада Калугина окончила сборы и выехала на Катэн. Звероловы были уверены в себе, охотничье счастье не изменяло им в течение ряда лет, вот только новые собаки беспокоили. Это были рослые пегие дворняги с висячими ушами, вся доблесть которых заключалась в том, что они отчаянно гоняли по селу кошек и бродячих свиней. На охоту прежде они ходили лишь на уток да на коз.

К месту промысла прибыли в конце октября. Стояла солнечная погода. Снег еще не запорошил землю. У шумящего в каменном русле ключа охотники поставили невысокий сруб, затем сверху ловко натянули палатку. Внутри вдоль трех стен соорудили нары, устлав их сухим вейником, а посреди сруба установили жестяную печь. Рядом с жильем появился лабаз для продуктов.

Теперь охотникам предстояло разведать окружающую местность: какой и где поблизости водится зверь. С этой целью в один из погожих осенних деньков бригада разошлась в разные стороны.

... Чем дальше углублялся в лес Калугин, тем свободней и радостней дышала его грудь, наполняясь чистым лесным воздухом. словно близких друзей, осматривал он мохнатые кедры и улыбался им, вслушиваясь в едва внятный приветственный шепот таежных исполинов. Шуршащие под ногами листья источали горьковатый запах, знакомый и приятный обонянию охотника. Сквозящий лес позволял издали различать стволы толстых лип, исцарапанные медвежьими когтями, обширные порытки кабанов, дупла старых усохших кедров. Калугин поднимался на гряде сопок, спускался в ключ и, перейдя его по замшелым камням, снова взбирался на косогор, пристально всматриваясь в глубь леса. При ходьбе он не смотрел под ноги, но от его взора не ускользнули ни один след, ни одна подозрительная вмятина в почве. Подняв с земли крупную золотистую кедровую шишку, он

обломил смолистые чешуйки и положил ее в карман.

Пройдя к полудню с десяток километров, Калугин повернул обратно. На пройденном пути ему пришлось пересечь несколько свежих следов изюбра, кабанов и медведей. Обилие непуганого зверя радовало. Калугин решил выследить изюбра. Олени, облюбовав солнечный косогор, собирали опавшие желуди, переворачивая носами листья, словно свиньи. Будь на земле снег, Калугин запросто бы подкрался к пасущимся изюбрам, а теперь все зависело от его выдержки и осторожности. Стараясь как можно меньше производить шума, Калугин осторожно пробирался сквозь заросли лещиновых кустов, беспрестанно останавливаясь, прислушиваясь и осматриваясь по сторонам.

Поднявшись на стрелку, он присел на валежину и достал из кармана шишку. Кто из охотников не любит сладковатых маслянистых орешков! В лесу, да еще проголодавшемуся, они кажутся особенно вкусными. Долго сидел Калугин, прежде чем обратил внимание на причудливое сухое дерево, вывернутое ветром с корнем и поваленное на землю. Валежина очень напоминала насторожившегося оленя. Бросив шапку, Калугин стал пристально всматриваться в неподвижный предмет, казавшийся ему не то оленем, не то выворотнем. Легкий поворот одного уха — и перед охотником ясно вырисовался замерший на месте изюбр. Сомнений не было. Спокойно подняв карабин, Калугин выстрелил. «Валежину» как ветром сдуло. Разделав изюбра и прикрыв добычу еловыми ветками, Калугин положил в рюкзак добрый кусок мяса и зашагал к избушке. Придя на зимовье первым, он наколот дров и поставил варить изюбрятину. Товарищи вернулись в сумерках. Все они были возбуждены встречами со зверями, хотя стрелять никому не удалось. Следов тигров никто не видел.

Прошло несколько дней. Охотники добыли подсвинка, наловили в речке золотистых ленков, настреляли несколько десятков белок, а пороша все не выпадала. С каким нетерпением ожидали тигроловы снега! Однажды, встав поутру, они не узнали знакомого пейзажа: под пухлой снежной пеленой исчезла зелень елей, желтизна густого вейника. Ни одно явление природы не заставляет так сжиматься в сладостной истоме сердце охотника, как свежая пороша! Наскоро позавтракав, бригада разбрелась по тайге. И снова Золотареву посчастливилось найти след двух тигров. Один из них принадлежал Ригме. Не подозревая об опасности, с увлечением охотилась она вместе со старой тигрицей. Они убили кабана и, не торопясь приступать к завтраку, лежали под навесом старых пихт. Тихо и глухо было в лесу. Мерный шепот снежинок не прерывался ни единым звуком. Вдруг треснула лежащая на земле сухая ветвь, зашуршали кустарники. Такой звук могли издать только охотники. Тигры заволновались. Вскочив с лежек, они стали прислушиваться, жадно втягивая в себя влажный, лишенный запахов морозный воздух. Но вот запахло людьми. Старая тигрица замерла. Ее раздражение выдал хвост, вздрогнувший несколько раз. Нужно немедленно уходить. Словно тени, замелькали тигры в редких просветах между деревьями, — они не убегали, но, ускоряя шаг, с достоинством, заблаговременно уступали дорогу человеку.

Вскоре показались сами тигроловы. Они подошли к месту последней лежки зверей и обнаружили еще теплого кабана. Спустив собак, охотники дали залп и подняли крик. Уходившие тигры слышали выстрелы и перешли на прыжки, разойдясь в разные стороны.

Подбежав к месту, где Ригма свернула в еловый ключ, охотники устремились по ее следу. Лишь один Лука ушел за старой тигрицей, постреливая на ходу в воздух, чтобы угнать ее подальше.

Собаки быстро догнали и окружили Ригму. Тигрица могла постоять за себя, если бы не одновременное нападение псов. Она заметалась между ними, стараясь отпугнуть дворняг своим грозным видом. Ей хотелось проучить желто-пегого пса, отличавшегося отчаянной смелостью, но как только она бросалась на него, сзади подскакивали другие собаки и кусали за ноги. Громкий лай, шум падающей кухты с молодых деревьев отвлекали внимание тигрицы. Она с глухим ревом прыгала между деревьев и не замечала, что к ней подкрадываются охотники. Неожиданно выйдя из-за деревьев и сгрудившись, они двинулись вперед, держа наперевес деревянные рогульки. Не обращая внимания на беснующихся собак, Ригма припала к земле и стремительно помчалась навстречу людям. Она уже было нацелилась схватить Калугина, шедшего впереди, как внезапный

удар в плечо опрокинул ее навзничь, а четыре рогульки крепко обхватили ее за шею. Утопая в снегу, яростно отбиваясь лапами, Ригма задыхалась. Наброшенная за голову веревочная петля намертво сжала челюсти тигрицы, передние лапы ее были туго связаны вместе. Ригма затихла.

Тем временем охотники связали задние лапы и стянули их с передними, на голову надели матерчатый намордник. Пленницу перенесли на грудь еловых ветвей. Собак накрепко привязали к деревьям.

Только теперь тигроловы хорошо разглядели свою странную добычу.

— Ну и тигрица, какая-то белая, — протянул с изумлением Проскураков.

— Все не белая, а золотистая, — поправил Золотарев.

— Словом, «золотая тигрица», — заключил бригадир. — Первый раз ловлю такого зверя. Вот невидаль!

— А я слышал, что бывают белые изюбры, — заметил Проскураков.

Ригму переложили на одеяло, связав концы в крепкие узлы, просунули под ними кленовую жердь и, сменяясь на каждом километре, понесли к избушке. Лишь на второй день возвратились к своему пристанищу охотники.

Трое начали делать сруб, а Лука сбегал за мясом изюбра, которого свалил Калугин. Слово из сказки, выросла крохотная бревенчатая избушка «без окон и дверей», с настилом из расколотых пополам бревен вместо крыши. На земляной пол бросили охапку елового лапника и сухого вейника. Бережно положили Ригму в сруб, развязали путы.

Теперь родной лес она могла видеть только сквозь щели бревенчатых стен. Убедившись в крепости своей темницы, Ригма перестала биться, легла на вейник.

На второй день Калугин, отодвинув одну из потолочных плах, опустил на дно сруба добрый кусок изюбриного стегна и высыпал с полведра зернистого снега вместо воды. При виде человека Ригма забилась в уголок и зашипела подобно огромной змее, но человек тотчас ушел, оставив аппетитно пахнущее мясо. Сильные волнения и физическое перенапряжение, перенесенные ею во время схватки с тигроловами, требовали восстановления сил, и Ригма, урча как кошка, съела принесенное мясо.

Несколько дней тигроловы мастерили нарту — длинные высокие охотничьи сани. Когда нарта была готова, охотники пришли за Ригмой. Просунув суконное одеяло между потолочных плах, они набросили его на тигрицу и прижали к земле рогулками. Калугин с Золотаревым залезли в сруб, связали Ригму и, укутав одеялом, положили на нарту, устланную изюбриной шкурой, а чтобы тигрица не свалилась, ее привязали к копыльям полотенцами. В нарту впрягли собак и осторожно тронулись в путь-дорогу.

Золотарев, перекинув через плечо карабин и держа в руке топор, шел впереди. Он выбирал путь почище, срубал мешавшие молодые деревца и кустарники. За ним брели в ляжках собаки. Калугин направлял и придерживал нарту, ухватившись за длинный шест — правило. Остальные замыкали шествие.

Немало пота пролили люди, прежде чем вытащили нарту на зимний волок леспромхоза. Вскоре их догнал пустой грузовик и довез до лесоучастка.

Все население лесной деревушки сбежалось смотреть Ригму. Одних пугал вид живого тигра — ведь находились люди, считавшие его людоедом, другие изумлялись его необычайной окраске и высказывали мнение, что это особый, «полярный» тигр. Такое множество людей Ригма видела впервые. Ее занесли в пустую холодную избу. Люди долго толпились у окон.

Желая избавиться от назойливых зрителей, Калугин быстро вышел на крыльцо и, хлопнув дверью, с досадой и тревогой в голосе громко воскликнул:

— Развязалась!

Одно это слово обратило всех в паническое бегство. Просторный двор мгновенно опустел, никто до следующего дня не подходил к избе.

Вскоре пришла машина, высланная базой «Зооцентра» по запросу Калугина. Ригму посадили в дощатую клетку с железной решеткой, выкованной местным кузнецом. В кузове рядом с клеткой

разместились тигроловы, собаки, сюда же погрузили нарту и все охотничье снаряжение. Это недлительное путешествие Ригма перенесла тяжело: на ухабах трясло, она больно ударялась о прутья. Противно пахло бензином, отработанным газом мотора. Тонкое обоняние тигрицы болезненно страдало от этих резких запахов. Шерсть на ней свалялась и намочла от пара, оседавшего инеем на внутренних стенках клетки, ее знобило от холода.

Благо к середине ночи машина пришла на базу «Зооцентра». Заспанный ветеринарный врач, наспех осмотревший пленницу, буркнул что-то невнятное себе под нос и показал на клетку-изолятор — сюда следовало перегнать Ригму. Составив приемный акт о том, что двухгодовалая тигрица-альбинос принята от бригады Калугина на месячный карантин, ветеринар удалился в свои покои.

Вырезав кусок изюбриной мякоти, Калугин решил в последний раз побаловать Ригму. Суровый охотник привязался к гордому, величественному зверю. Это чувство нашло отклик в сердце Ригмы. Она не шипела, не метала из глаз зеленые искры, когда тигролов приближался к ней, спокойно брала из его рук мясо, насаженное на тонкую заостренную палочку. Если глаза их встречались, Ригма не проявляла ни раздражения, ни тревоги.

Жаль было Калугину расставаться со своей «золотой тигрицей». В эту минуту никто не ведал, что они еще встретятся. словно предчувствуя долгую разлуку, Ригма прижалась к железным прутьям клетки. Калугин погладил ее по шее, и она спокойно приняла прощальную ласку человека.

Потекли однообразно-томительные дни в неволе. Теперь свежего мяса Ригме не давали, не видела она и родного леса. В просторном сарае базы, уставленном клетками, стоял смрадный запах навоза и какого-то лекарства. Сюда прибывали различные звери: медвежата, кабаны, изюбры, рыси и крупные непальские куницы — харзы. У многих пленников оказались израненными ноги. Искушенные собаками, бедняжки жалобно стонали. Иные, перепуганные насмерть, забившись в темный угол вольера, не принимали пищи и тихонько дремали.

Ухаживал за мохнатыми узниками старик зверовод, бывший в молодости заготовителем пушнины. Он журил охотников за неумение ловить зверей живьем.

— Зверя нужно взять не в раз. Погонял его — оставь в лесу на ночь, а на второй, на третий день вязать можно. Такой зверь завсегда выживет, — утверждал он.

Вскоре на базу привезли трех тигрят, пойманных где-то в истоках Большой Уссурки. Их разместили рядом с Ригмой.

К концу месяца зверей, прошедших карантин, набралось на целый вагон. Их рассортировали, приготовили к отправке. Товарный вагон, куда затаскивались клетки с пленниками, был темный и холодный. Сопровождающие даже не додумались поставить печь, надеясь на то, что звери, терпящие морозы в лесу, перенесут их и в вагоне.

Перед выездом с Ригмой произошел случай, составивший ей плохую репутацию. Когда клетки были погружены, на станцию прибежал фотокорреспондент местной газеты, желая сфотографировать необычных пассажиров.

— Не показательно, — заявил он. — Что-то ваши тигры забились в угол и выглядят совсем жалко. Нельзя ли их приободрить?

С этими словами он стал примеряться аппаратом, пытаясь сделать снимок как можно лучше. Помогая гостю, сопровождающий рабочий шурнул в одну клетку длинной палкой, затем в другую, где сидела Ригма... Тигрята бросились к решетке. Вспышки электролампы сливались с щелчками аппарата. Фотограф ликовал, как вдруг один из тигров, молниеносно просунув лапу между железными прутьями, чуть не схватил его за голову. Отпрянувший в смертельном испуге корреспондент невольно прижался спиной к противоположной клетке. Раздраженная яркими вспышками и ударами палки, Ригма кинулась на человека с фотоаппаратом и вырвала из его пальто большой кусок ткани, оставив на теле глубокие раны. Это был единственный случай в жизни Ригмы, когда она пролила кровь человека.

Отчаянно вскрикнув, пострадавший кинулся на станцию, откуда его доставили в больницу. Зашивавший раны хирург, шутник от природы, сказал:

— Выразительный автограф оставила вам на спине тигрица! Хорошо еще не вцепилась в затылок, тогда моя помощь не понадобилась бы.

Вечером состав со зверями отправился в Москву. Езда в поезде оказалась для Ригмы тяжелее жизни на базе. Она болезненно страдала от холода, стук колес и лязганье буферов не давали ей хорошо выспаться.

Однажды при резком броске на дверцу клетки ей удалось сломать запор и выйти в узкий проход вагона. Каков же был испуг рабочего, кормившего зверей в пути, когда он, открывая дверь вагона, на одной из станций носом к носу столкнулся со страшной мордой тигрицы. Захлопнув дверь вагона, он побежал сообщить об этом начальнику станции.

Старый железнодорожник, не выдавший никогда живых тигров, заявил, что тут надо действовать решительно. Он приказал отцепить вагон с животными и поставить в тупик, а рабочему посоветовал телеграфировать на зообазу.

...Выйдя с промысла, Калугин снова собирался уходить в лес, когда к нему прибежал посыльный из промхоза и передал срочный вызов к директору.

— Сейчас получили телеграмму, — сообщил директор, — что один из тигров, отправленных в Москву, вылез из клетки. Нельзя войти в вагон. Третий день звери не кормлены, могут погибнуть. Выезжай-ка ты срочно и поправляй дело!

Прибыв на станцию, где стоял отцепленный вагон, Калугин решил сам проверить, что случилось. Приоткрыв дверцу вагона, он увидел Ригму, лежавшую в проходе. Напрасно называл Калугин ее ласковыми именами. Измученная невзгодами дороги, Ригма, казалась, не узнавала своего друга, и как только он шире открывал дверцу, тигрица бросалась к выходу с явным намерением овладеть утраченной свободой, сметая все на пути.

— Через дверь в вагон не войдешь! — заключил Калугин. — Придется лезть через крышу.

Сорвав жест с угла вагона и прихватив с собой большое ватное одеяло, Калугин исчез в темнеющей дыре, как в колодце. Обступившие вагон железнодорожники и вызванная милиция молчаливо ожидали конца дела, готовые в случае беды прийти на помощь отважному тигролову. Но пока было тихо.

Проникнув в вагон, Калугин пригляделся к темноте, затем, осторожно продвигаясь вдоль узкого прохода, подошел к Ригме, лежавшей у задней стенки вагона и внимательно наблюдавшей за ним.

— Беляночка, золотая моя, — нежно зашептал Калугин, — иди на место. — Но тигрица не шевелилась. Тогда Калугин перегородил одеялом проход возле широко открытой клетки и начал жестом подгонять тигрицу к ее жилищу.

— Ты что, не понимаешь, что я тебе говорю? Иди, иди на место, ну!

Ригма, конечно, ничего не понимала, что говорил Калугин, но требовательный жест заставил ее с неохотой войти в свою клетку. Калугин крепко закрутил сломанный запор толстой проволокой, снял одеяло, погладил через решетку плечо Ригмы и распахнул дверцу вагона:

— Заходите, товарищи! Тигрица в клетке.

Снова вагон с невольниками застучал по рельсам, снова потянулись однообразные дни, ставшие последними для трех тигрят, не перенесших холода и кормления мороженым мясом. В Новосибирске очоженевших тигрят отвезли к препаратору.

После этого случая Ригму стали кормить парным мясом. Миновали Урал. Не столь лютые европейские морозы звери переносили легче.

К концу десятых суток Ригму доставили на подмосковную базу «Зооцентра». Ригму поместили в просторный вольер с чистым покатым деревянным полом, дали хорошего свежего мяса. Здесь стояла тишина. Тигрицу внимательно осмотрел ветеринарный врач в белом халате. Хотя на базе привыкли видеть всевозможных зверей, необычная окраска Ригмы вызвала всеобщее восхищение не только служащих «Зооцентра», но и ученых-натуралистов. Люди подолгу рассматривали редкого зверя, покачивая от изумления головами.

После месячного карантина зверей показали прославленному дрессировщику и укротителю хищников Ивану Зарубину. Ему разрешалось выбрать двух тигров для смешанной группы, с которой

он успешно выступал в цирках страны.

Красавица Ригма очень понравилась Зарубину. Обходя клетку, он вплотную приблизил лицо к прутьям решетки, чтобы лучше рассмотреть тигрицу. Ригма не выдержала пристального взгляда человека, восприняв его как угрозу. Она подняла губу, обнажая клыки. «Р-р-р-ры — р-р-р...» — пророкотало в ее горле.

— Молодец, Ригма! — воскликнул укротитель. — Приношу сто тысяч извинений за свою бесцеремонность. С сего дня Иван Зарубин — покорный слуга вашего таежного величества!

На второй день Ригму перегнали в транспортную клетку и доставили в цирк. Наступила сытая, но беспокойная жизнь. Ригму раздражали шум доносящейся музыки, невероятное смешение запахов людей, порохового дыма, смолистых опилок и конского пота. Все куда-то спешили, были возбуждены, и это передавалось Ригме. Она металась по клетке, пробовала крепость решетки, шипела и рыкала на проходящих служителей. Напротив стоял ряд старых клеток. В них жили леопарды и тигры. Они не обращали никакого внимания на Ригму.

Ежедневно в вольере по несколько раз появлялся Зарубин. Сперва Ригма встречала его враждебно. Она хотела напугать этого назойливого человека, но опытный укротитель даже не вздрагивал, когда Ригма молниеносно ударяла лапами о решетку. Слегка улыбающиеся глаза Зарубина смело и пристально смотрели в самые зрачки Ригмы. В этом ласковом взгляде человека была такая непреклонная воля, светилось такое превосходство и уверенность в своей силе, что Ригма невольно пятилась в темный угол и с ворчанием опускала глаза. Но не силой и грозностью стремился Зарубин расположить к себе сердце Ригмы. Он больше полагался на доброту и ласку. Кормление Ригмы Зарубин не доверял рабочим. Он сам приносил своей любимице отборное мясо. Но гордая тигрица не прикасалась к нему, пока у клетки стоял человек.

Магически действовал на Ригму голос укротителя. Он словно зачаровывал, успокаивал ее легко возбудимую натуру.

— Ригмушка, умница, кушай, — убеждал Зарубин, и тигрица переставала волноваться, подходила к пище.

Прошло немало дней, прежде чем Ригма решила принять кусок сырой телятины из рук Зарубина. Вскоре она даже позволила погладить себя через решетку. Так постепенно закреплялись первые, очень важные рефлексy: появление человека приносит пищу, протянутая рука дарит ласку.

Теперь Ригма реагировала на свое имя и смело приближалась к Зарубину, когда он появлялся у клетки. Настало время более близкого знакомства с человеком. «Как-то поведет себя золотая тигрица?» — думал Зарубин.

Однажды, после завершения вечернего представления, Ригму выпустили на освещенную арену. Как встрепенулось ее сердце. Опротетью бросилась она вдоль решетки, ища выхода на свободу, но тщетно: непреодолимой стеной стояли стальные прутья.

— Ригмушка, ну успокойся, хорошая моя, — услышала она знакомый ласковый голос.

В тот вечер прогулка длилась недолго. После нескольких выходов на пустую арену, когда успокоившаяся Ригма перестала метаться, к ней вошел Зарубин. Это был человек среднего роста, но атлетического сложения. За поясом кожаных брюк виднелась рукоять нагана, заряженного холостыми патронами. В руках он держал длинный бич и тяжелую металлическую трость. Через плечо висела сумка, наполненная кусками мяса.

Ригма заметалась по манежу. Она намеревалась броситься на человека, но спокойная самоуверенность дрессировщика, вкрадчивая его походка пугали Ригму. Огромное желание выбраться на волю бушевало в ее сильно бьющемся сердце. Человек мешал, и поэтому она хотела избавиться от него. Победил страх перед человеком. Ригма попятилась, припала на опилки, приготовилась к отчаянной защите. Но Зарубин не угрожал и не нападал. Он медленно приближался к тигрице, разговаривал с ней, как с человеком.

Дрессировщик приглашал ходить вместе с ним вдоль решетки сперва в одну, потом в другую сторону. Ригма поняла, что от нее требовалось, и, исполнив желание укротителя, получила в награду кусочек мяса.

Теснота клетки надоела Ригме, и она с нетерпением ожидала вечера, чтобы насладиться прогулкой на манеже. Зарубин все больше и больше усложнял прогулки, требуя от Ригмы то прыгать через барьеры, то заскакивать на подставки. И каждый раз за исполнение той или иной команды она получала кусок мяса.

Ригма была молода, ей доставляло удовольствие прыгать и носиться по манежу, но как только к ней приближался Зарубин, она скалила на него клыки. Желая научить тигрицу заскакивать на высокую подставку, Зарубин клал туда кусок мяса и, когда Ригма прыгала, произносил одно и то же слово: «Але!»

До поздней ночи обучал Ригму Зарубин. Его черная рубашка намочила от пота, волосы слиплись на лбу, порой он едва передвигал ноги от усталости, но упорно добивался повиновения. Ригма усвоила основное правило цирковой жизни зверей: хорошо работаешь — кормят обильно, плохо работаешь — кормят скудно.

В отличие от дрессировщиков, прибежавших к жестокому запугиванию или действовавших по старому испытанному принципу «кнута и пряника», Зарубин добивался своих успехов прежде всего поощрением животного любимым кормом и ласковым, спокойным обращением. Времени и терпения при этом требовалось больше, но приобретенные животным навыки закреплялись прочнее, и работать среди хищников становилось легче и безопаснее.

Лишь в одном случае Зарубин признавал и оправдывал необходимость применения строгого наказания: если зверь сознательно нападал на человека. Тогда уж Зарубин быстро и решительно пускал в ход силу и оружие. Если и это не помогало, злобствующий зверь передавался в зверинец.

Наступило время знакомства Ригмы со своими коллегами по арене. Первая встреча предстояла со львом Султаном. Вырос Султан в неволе. Его родители, так же как и он, не знали свободы и не видели своей далекой родины — жарких саванн в Африке. Он давно утратил инстинкт хищного зверя, став по сути «домашним животным». Огромные клыки и длинные когти служили ему скорее «украшением», нежели грозным оружием. И все-таки Султан являлся сильным и небезопасным в гневе зверем. Будучи в почтенных годах, он ценил покой и не допускал схваток между четвероногими артистами. Его авторитет среди зверей утверждался большой силой и значительным весом, превышавшим сто килограммов. Не случайно во время представлений он исполнял роль «блюстителя порядка» и «телохранителя» Зарубина.

Когда Ригма вышла на арену, Султан сидел на низкой подставке, не проявляя ни малейшего интереса к тигрице. Ригма шарахнулась от льва и стала издали рассматривать и обнюхивать незнакомца, а лев позевывал от полного равнодушия к окружающему миру. Ригма успокоилась, но так и не решилась близко подойти к Султану.

После знакомства со львом Ригму представили трем тиграм. Все они были почти одного с ней возраста, и Ригма очутилась в компании, расположенной к ней. Но если знакомство со своими собратьями прошло в духе взаимопонимания, то первая встреча с рысью вывела Ригму из равновесия. Брезгливую нетерпимость вызвала эта дикая короткохвостая кошка в душе тигрицы. И если бы не Зарубин, строго окрикнувший Ригму, она схватила бы за шиворот длинноногую незнакомку.

Пришел день, когда Ригму выпустили на арену, где находились все четвероногие артисты. Столь близкое соприкосновение их на свободе обязательно привело бы к кровопролитной ссоре. Здесь же, в необычной обстановке неволи, звери, словно застигнутые наводнением на небольшом островке — арене, примирились между собой и ежели изредка огрызались, то неохотно пускали в ход клыки и когти.

Все звери уже прошли курс обучения: они быстро занимали свои места и спокойно сидели на них до тех пор, пока не требовалось исполнить какое-либо приказание дрессировщика. Ригма же была новичком, она то забывала свое место, то сталкивалась с «артистами». В таких случаях, чтобы не допустить ссоры, требовалось срочное вмешательство человека. Однажды, когда звери расселись по местам, Зарубин приступил к разучиванию очередных трюков. Ригма легко перескакивала с тумбы на высокую подставку, но перепрыгнуть через лежащего льва ей показалось страшным. Она

была уверена, что Султан воспримет это движение как агрессивное намерение и жестоко искушает ее. Тигрица отказалась выполнить приказание укротителя. Напрасно он то подбадривал ее ласковыми словами, то настоятельно требовал и для устрашения щелкал бичом.

Зарубину следовало бы терпеливо подождать или заменить этот трюк другим, но, будучи утомлен бессонной ночью, он не сдержался и допустил поспешность. Он видел: Ригма понимает, чего от нее требуют, и лишь из боязни не исполняет приказание. Зарубин решил во что бы то ни стало заставить ее превозмочь страх. Подойдя к тигрице, он строго крикнул, громко щелкнул бичом у самого ее уха и ткнул железной тростью в бок. Ригма припала к полу и зашипела. В ее глазах вспыхнули зеленые огоньки, хвост вздрогнул. «Вперед, вперед!» — наступал Зарубин.

И тут случилось неожиданное: вместо прыжка через льва Ригма бросилась на дрессировщика. Не будь Зарубин блестящим акробатом, ему бы не увернуться от страшного удара передних лап тигрицы. Он упал. Ригма снова бросилась на него. Лежа на спине, дрессировщик успел нанести железным прутом несколько быстрых ударов по плечам и лапам Ригмы. Они оказались столь сильными, что едва не переломили тигриные кости. Замешательство Ригмы увеличилось крепким толчком холодной струи из брандспойта, выпущенной на нее дежурившим рабочим. Подоспевший ассистент поймал Ригму за ошейник и плотно привязал к решетке.

— Крепко вы ее осадили! — воскликнул он.

— В этой ситуации жалость неуместна, — усмехнулся Зарубин, стряхивая с себя опилки. — Тут следует задать такую встрепку, чтобы раз и навсегда отбить всякую охоту к нападению. Пусть знает: человек сильнее, трогать его опасно.

Несколько дней Зарубин не появлялся у клетки Ригмы, оставленной в наказание без пищи. Затем он принес кусок мяса, но прошел месяц, прежде чем тигрица успокоилась и забыла обиду. Так вторая попытка активно защититься от человека закончилась поражением, и опять Ригма смирилась.

Выступлению Ригмы предшествовала яркая афиша. Художник изобразил ее голову на красном фоне в припадке крайнего гнева — с грозно оскаленными, невероятно длинными клыками и целевидными зелеными зрачками.

...Переполненный цирк гудел. Любит народ цирковые представления, особенно в восторге от них дети: тут и страшно, и смешно. Сегодня же ожидалось выступление необычайной тигрицы-альбиноса. Все шли посмотреть на это чудо природы.

На освещенную арену, огороженную высокой железной решеткой, выбежали четыре тигра, промчались два леопарда и рысь, уверенной неторопливой походкой прошел старый лев. Все звери расселись по своим местам на низких и высоких тумбах и подставках. Заиграла музыка, и вот на арене появилась белоснежно-золотистая тигрица. Вдох изумления пронесся над публикой. На свое первое представление Ригма вышла спокойно. Она привыкла и любила выполнять упражнения на арене при ярком свете софитов, под звуки приятной музыки. Но когда из глубины темного, обычно пустого помещения цирка хлынула невнятная волна людского ропота и множество глаз устремилось на нее, легкая тревога наполнила ее звериную душу. К тому же сверкающая одежда и парик настолько изменили облик дрессировщика, что если бы не знакомый звук голоса и привычный запах, она не узнала бы Зарубина.

Подойдя к тумбе, изображавшей трон с гербом из двух зеленых кедровых ветвей, Ригма легко вспрыгнула на сиденье и уселась, приняв величественную позу. Работали в тот вечер четвероногие артисты на славу, словно демонстрируя свое мастерство перед королевой диких зверей. Они ходили на задних лапах, прыгали сквозь обручи, обтянутые бумагой, и друг через друга, а рысь играла на барабане. Затем три тигра возили в коляске Ригму по кругу арены, а она раскланивалась с публикой.

Зрители наградили ее громкими аплодисментами, кричали: «Браво!» С тех пор дальневосточная тигрица Ригма стала любимицей публики. Зарубин ликовал: успех группы превзошел все ожидания. Прошло два года. Зарубин получил предложение выступить на гастролях в Хабаровске. Открытие цирка-шапито приурочивалось к Первому мая. Нужно было торопиться. Разве могла Ригма понять,

что мерно постукивающий колесами поезд уносит ее на родину? Теперь она не страдала в пути. В вагоне было тепло и светло, рабочие, неотлучно сопровождавшие зверей, отлично кормили и поили Ригму. На всех больших станциях ее осматривал ветеринарный врач, часто заходил Зарубин. Вагон, прицепленный к пассажирскому поезду, шел быстро. К концу недели прибыли в Хабаровск. Здесь зверям был предоставлен отдых, и вскоре их ознакомили с манежем.

Цирк представлял собой деревянное строение, поверх которого на двух высоких железных трубах-мачтах был натянут огромный брезентовый купол. До тонкого слуха Ригмы доносился шум городского рынка, расположенного недалеко от цирка. Представление труппы Зарубина началось в праздничные дни и проходило успешно.

— Аверьян! Никак это наша тигрица! — толкнув локоть Калугина, воскликнул Золотарев, когда на арену вышла Ригма.

Тигроловы всей бригадой присутствовали на выступлении Зарубина. Их очень интересовало, как работают в цирке тигры, которых они с таким трудом ловили голыми руками.

— Выходит, она, — ответил Калугин, — дюже жирна стала, спокойна.

Когда Ригма стала кланяться публике, Луке показалось, что она кивает ему головой как старому знакомому, и он, забыв, что сидит в цирке, закричал:

— Узнала! Ишь, даже лапой машет!

— Тише! — урезонил Луку Проскуряков.

Публика зашикала на тигроловов, и они притихли, но еще долго переговаривались между собой шепотом.

После окончания представления охотники гурьбой ввалились к директору.

— Товарищ Шуляков! Проведи к Зарубину. Ведь это мы белую тигрицу с ребятами взяли на Катэне, — пробасил Калугин. — Нам с ним поговорить надо.

Когда тигроловы вошли в служебное помещение, рабочие раздавали корм зверям. Тигры метались по клеткам и глухо рыкали на пришельцев. Зарубин радушно приветствовал Калугина и его товарищей.

— Вы спрашиваете, откуда появилась у меня тигрица-альбинос? Отыскал ее под Москвой. Мне сообщили, что поступила она с Дальнереченской базы. Выходит, ваша, дальневосточная. Пойдемте к ней, — пригласил Зарубин.

Обступив клетку, охотники замерли в молчаливом восхищении. Ригма лежала в дальнем углу и смотрела куда-то вверх людей.

— Она, — прервал молчание Калугин. — Такого зверя с другим не спутаешь.

— Значит, Ригма вам знакома? — спросил Зарубин.

— Как же! Мы ее с ребятами ловили, — улыбнулся Калугин. — Она по пути в Москву чуть не убежала, всех железнодорожников перепугала. Из всех зверей, которых я ловил, самой ласковой оказалась. Видать, вы ее характер поняли.

Ригма не проявляла никакого интереса к разговаривающим, хотя Калугину очень хотелось, чтобы она узнала его.

— Завтра цирк выходной, я буду репетировать днем. Приходите, товарищи, сфотографируемся на память с вашей Ригмой, — предложил Зарубин.

— Все, может быть, и не придем, но я обязательно явлюсь, — ответил Калугин, и тигроловы раскланялись.

«Узнает или забыла?» — не выходило из головы Калугина, когда он возвращался домой. Ради ответа на этот вопрос он направился на следующий день в цирк.

Зарубин ожидал тигроловов и не приступал к репетиции. Тут же находился фотограф. Когда появился Калугин, он осведомился, почему не пришли остальные.

— Ну что же, начнем, — пригласил Зарубин.

Взойдя на арену, Калугин сел на тумбу. Фотограф не решался ступить за решетку, уверяя, что его фотоаппарат позволит сделать снимок крупным планом и на расстоянии.

Впустили Ригму. Оглядев людей и обойдя манеж, она спокойно прилегла на опилки.

— Ригмушка, умница, здравствуй! — ласково приветствовал ее Зарубин. Тигрица, казалось, не обращала на него внимания. Дрессировщик подошел к ней и вежливо, словно обращаясь к человеку, предложил вспрыгнуть на высокую тумбу и сесть. Ригма выполнила приказание.

— Аверьян Матвеевич, подходите, становитесь рядом.

Калугин смело приблизился к Ригме и погладил ее по плечу. Зарубин не без тревоги метнул взгляд на тигрицу: такая вольность со стороны малознакомого человека могла стоить ему очень дорого. Но тигрица спокойно реагировала на этот жест, словно к ней подошел сам дрессировщик.

— Аверьян Матвеевич, уж коль Ригма к вам столь благосклонна, оставайтесь вдвоем, — сказал Зарубин и подал знак фотографу.

...Провожая тигролова к трамвайной остановке, Зарубин как бы в раздумье проронил:

— А все-таки, Аверьян Матвеевич, Ригма узнала вас. Тигры не проявляют так бурно своей радости, как собаки. Их чувства сдержанны. Но я-то знаю, как они относятся к тем, кого уважают и помнят! На душе Калугина было радостно: «Узнала!» На другой день в газете появился снимок Ригмы, восседавшей рядом с тигроловом.

...Одним майским утром сине-черное облако, зловеще закрывая горизонт, надвинулось из-за Амура на город. Впереди бежали низкие дымчатые тучки. Крупные редкие капли косога дождя упали на асфальт одновременно с глухими раскатами грома. Срывая с речной косы мелкий песок, опрокидывая легкие киоски, в город ворвалась первая волна ураганного ветра. Вторая волна сбросила с нескольких домов крыши, под ее натиском ломались деревья, хлопали и рассыпались стеклянными брызгами незакрытые окна. Застигнутые непогодой люди метались по улицам в поисках временного укрытия. Воздух, смешанный с пылью и туманом, стал мутным, а ветер все крепчал. Его напор оказался столь сильным, что не выдержали стальные трубы купола цирка. Они с грохотом сломались, рухнув на легкие деревянные навесы, под которыми размещались клетки со зверями. В этой катастрофе погибло несколько четвероногих артистов. Скользящий удар стальной трубы сорвал и смял одну из стенок клетки Ригмы. Метнувшись в образовавшееся отверстие, тигрица выскочила во двор цирка. Здесь в панике метались служители цирка и сорвавшиеся с привязи лошади. Нестерпимо яркий свет ослепил Ригму, оглушительный, словно пушечный выстрел, треск раздался над ее головой — это молния ударила в стоявший неподалеку чугунный столб. Обезумев от страха и грохота, Ригма перепрыгнула через забор и на широких махах помчалась по бульвару. Вскоре порывы ветра стали стихать, хлынул проливной тропический дождь. Некоторые улицы превратились в шумящие реки.

С чувством смутной тревоги спешил Зарубин в цирк. Выскочив из машины, он опрометью бросился во двор, где около смятых клеток суетились люди. Его больше всего беспокоила судьба Ригмы. Вот ее клетка. Она пуста. Значит, Ригма жива, но где она?

Тем временем Ригма, миновав бульвар, свернула на пустынную улицу. Не обращая внимания на ливень, тигрица шла тротуаром, пугая одиноких прохожих, заходила во дворы, перепрыгивала через изгороди. Выйдя на железнодорожный путь, она пошла по шпалам, пока впереди не показались огни встречного поезда. Заметивший ее машинист от изумления дал гудок. Ригма свернула с пути и, очутившись в плодовом питомнике, скрылась за фруктовыми деревьями. Преодолев многие заграждения, она вырвалась на окраину города и, перейдя широкую пахотную полосу, углубилась в лес.

С какой жадностью вдохнула она полной грудью сырой воздух леса, обмытого дождем, терпкий от запаха молодых листьев березы! Отвыкшая от длительных переходов, Ригма растянулась на поляне, прислушалась. Погони не было. Подставляя свое разгоряченное тело утихающему дождю, Ригма блаженствовала. Самое дорогое в жизни любого зверя — свобода вновь обретена ею. Таинственный лес властно звал к себе, и тигрица растаяла в зеленой чаще молодого березняка.

Напрасно Зарубин искал Ригму по городу. Объезжая улицы, он расспрашивал прохожих, постовых милиционеров. Никто не видел тигрицу. Тогда передали объявление по радио: «Ушла ручная тигрица. Просьба ко всем встретившим ее срочно сообщить в цирк». До позднего вечера разыскивали Ригму в городе, но она исчезла бесследно.

Занимался погожий день. За городом в прозрачной синеве неба прочертилась ниточка гусей, их ликующие крики доносились до слуха Зарубина, только ничто не радовало его. Он шел к Калугину в большой надежде на помощь тигролова.

— Аверьян Матвеевич! Ригма ушла! — крикнул он, входя в комнату и протягивая руки к Калугину. — Беда! Хорошие звери погибли. Больше всего жаль Ригму. Такой тигрицы мне больше не видать. Помогите найти ее!

Успокоившись, Зарубин подробно рассказал о случившемся и вопросительно посмотрел на Калугина. Тигролов молчал.

— Соберите свою бригаду, Аверьян Матвеевич, поймайте Ригму. Ведь вы же много диких зверей взяли, а она почти ручная!

— Это все верно. Да ведь тигров-то мы только зимой ловим. На снегу видно, где старые, где молодые идут. По следам догоняем. Летом тигра не сыщешь. Разве на песке у воды либо на грязи след объявится, а вошел тигр в лес — пропал след. Собак пускать боязно: вместо тигрят за матерым увяжутся, а тот спуску не даст. Останешься без собак и без тигра. Бригаду собрать можно, только ловить летом не берусь.

После долгой беседы решили: охотники поищут Ригму в окрестностях города. Если обнаружат — постараются подманить на мясо, потом приведут на это место Зарубина. Три дня велись поиски, опрашивались егеря и лесники. След Ригмы, найденный на пахоте, вскоре утерялся, как только тигрица вошла в кустарник. Найти его снова охотники так и не смогли.

— Будем зимой искать, авось найдем, — обнадеживал Зарубина Аверьян. — Убить ее не могут: стрелять тигров у нас запрещено. А ежели кто встретит, мигом сообщим.

На этом расстались.

Молодой кудрявый березнячок, поднявшийся на месте срубленного некогда высокоствольного лиственничника, сменился редким широколиственным лесом. Он рос на пологих увалах, тянувшихся к горизонту. Ригма шла не торопясь. Все привлекало ее внимание: обгорелый пень и валежник, прыгающая лягушка и крупная бабочка. Древний инстинкт ориентировки направлял ее на восток, к далеким синееющим сопкам Сихотэ-Алиня. Там, за гребнями гор и многочисленными долинами извилистых рек, бежал Катэн, простирались безбрежные леса ее родины. Ригма остановилась и присела на траву. Привыкнув к ежедневной обильной еде, она не прочь была позавтракать. Но теперь пищу нужно добывать самой, а она изрядно обленилась. Ей грозила голодная смерть, если бы не щедрость приамурской природы. На дубовой релке Ригма нашла на земле гнездо дикой утки. В нем лежало восемь довольно крупных яиц. находка не утолила аппетит. Вскоре Ригма рассмотрела под нависшим кустом фазанушку, крепко сидевшую в гнезде. Молниеносный удар — и птица оказалась вторым блюдом завтрака. Переходя падь, по которой протекала неширокая, но довольно глубокая речушка, Ригма увидела лодку, временно оставленную каким-то рыбаком, ушедшим к близкому озерку. Из лодки тянул соблазнительный запах рыбы. Не колеблясь, Ригма подошла к бату, на дне которого трепыхались живые караси и щуки, и завершила свой завтрак.

Перейдя падь, она вошла в густую поросль осинового релки и улеглась в прохладной тени. В эту пору гнуса в лесу очень мало, он никому не надоедает. Отдохнув, Ригма тронулась дальше. Она шла кочковатыми болотистыми равнинами, поросшими шершавой осокой и вейником, переплывала речки, окаймленные непролазным ивняком, снова поднималась на увалы, поросшие лиственничниками. Под тяжестью тела ноги Ригмы глубоко утопали в моховой подушке леса, оставляя заметные вмятины. Иногда она пересекала следы лосей и косуль. Тонкое чутье тигрицы улавливало запах оленей. Когда-то она охотилась на них вместе с матерью.

Болотистые леса огромной равнины не могли служить местом постоянного обитания амурских тигров, но тем не менее, облюбовав обширную релку, покрытую широколиственным лесом, Ригма решила обосноваться здесь на некоторое время. Теперь от ненавистного города ее отделяла обширная марь протяженностью в шестьдесят километров. Летом здесь не ступала нога

человека. Спокойно и безмятежно зажила в родных краях Ригма. Вокруг обитало много разного зверя и птиц, в заливах речушек шлепалась и гуляла рыба. Отлежавшись в течение дня на сухой подстилке леса, Ригма лишь с наступлением вечера отправилась на охоту. Рядом находилась колония барсуков. Вместе с ними, заняв старые барсучьи норы, жили енотовидные собаки. Выбрав удобную позицию, тигрица подолгу подстерегала «енотов» и барсуков у входов в их подземные жилища. Эти подслеповатые жирные звери пришлись Ригме по вкусу, поймать их не составляло ни малейшего труда. Конечно, для царственного зверя негоже подкарауливать каких-то жалких лесных собачонок, но голодный тигр и мышам рад.

Как-то, идя на водопой, Ригма услышала всплеск воды. Дождей давно не выпадало, река мелела. В отшнуровавшемся высыхающем заливе остались караси. Их темные спины торчали из воды, соблазняя ворон, рассеявшихся по кустам. Утопая в илистом дне залива, Ригма каждый день появлялась у реки и успешно рыбачила, отдавая должное немптинским карасям. Поднявшаяся вода лишила Ригму рыбного деликатеса, пришлось перейти на мясную пищу, благо изюбры и лоси забредали к ней на релку.

В середине лета на болотистых полянах поспела голубика. Урожай ягод выдался столь обильным, что отдельные кусты окрасились в сизо-голубой цвет. Кисло-сладкая голубика понравилась Ригме. Но не она одна «паслась» на ягоднике, сюда повадился ходить молодой гималайский медведь, не подозревавший, какой смертельной опасности подвергается он, вторгаясь во владения тигрицы. Как-то ранним утром Ригма услышала чавканье медведя и учуяла его резкий запах. Обойдя издали незваного гостя и определив по следам его возраст, Ригма решила дать встрепку пестуну. Подкравшись к медведю на десяток метров, она в два прыжка очутилась на его спине. Взревев от боли и неожиданности, медведь попытался вырваться из цепких когтей тигрицы и при этом больно укусил ее за лапу. В пылу схватки в Ригме проснулся дух ее предков, всегда ненавидевших медведей. Придя в ярость, она запустила клыки в шею пестуна. Хрустнули кости, оборвалась жизнь косолапого лакомки. Медвежатина не уступала по вкусовым достоинствам мясу барсука и енотовидной собаки. Да к тому же и добыча досталась ей не без сопротивления. К Ригме постепенно возвращалось чувство своего превосходства в силе над всеми обитателями леса. В цирке оно подавлялось укротителем. Но стоило тигрице остаться наедине с природой, как она почувствовала, что все подвластно ей.

Муссонные летние дожди наполнили водой мари, и они превратились в обширные мелководные озера. На релках, словно на островах, скопилось много зверей. Недостатка в пище не было.

Но вот прошло лето. Затрубили на далеких сопках изюбры. Звери стали покидать мари, уходя в предгорья. На открытых клюквенных и моховых болотах садились и паслись пролетные гуси. По утрам слышалось их непрерывное гоготание, хлопанье крыльев.

Ригму тоже потянуло к дальним переходам. Она направилась на юг, к истокам Немпту, вслед за кочующими табунчиками кабанов. Вскоре кончились мари. По косогорам росли смешанные кедрово-широколиственные леса. Они окружали ее в детстве, давали приют и обильную пищу. Извечные инстинкты ее предков, временно приглушенные в цирке, теперь властно овладевали всем существом Ригмы. Она не только нуждалась в пище и безопасности, но и в обществе себе подобных.

Перейдя через хребет одного из отрогов Сихотэ-Алиня, Ригма спустилась в долину широкой горной реки. Это великий Хор нес свои стремительные светлые струи в Уссури. Вдоль берега вилась дорога лесорубов, и здесь пахло машинным маслом и человеком. Идя вдоль дороги и оставляя на грязи следы, Ригма спустилась к широкой галечной косе, понюхала воду. Безбоязненно вошла она в стремительный поток и поплыла к другому берегу. Быстрое течение сносило ее вниз, но Ригма была хорошим пловцом. Широкие лапы, загребая воду словно весла, мощно толкали ее тело вперед, к быстро приближавшемуся берегу. Выйдя из воды и отряхнувшись, Ригма повалилась на горячей гальке и, обсушив шерсть, скрылась в сумраке молчаливого старого леса. Где-то невдалеке пересвистывались рябчики, барабанила о сухую щепу желна, пахло прелыми листьями. Ригме казалось, что она очень далеко ушла от человека, как вдруг до нее донеслись рокот

работающего мотора, жужжание мотопилы и грохот падающих деревьев. Это заготовители леса пилили толстые, в три обхвата, кедры и волоком вместе с мохнатыми кронами подтаскивали стволы на лесной склад. На родине Ригмы хозяйничал человек. Теперь это его территория, и Ригме нужно идти дальше.

Два дня удалялась она на запад, и когда, найдя наконец укромную поляну, успокоенно прилегла под раскидистым тисом, снова услышала едва различимый гул идущего трактора, крики людей. Пришлось поворачивать на юг, опять уходить от человека. Поднявшись в горы, Ригма наконец укрылась от людей. Здесь не было их следов.

На высоте полутора тысяч метров растительность менялась: кедр уступал место елям, не росли в этом лесу орех и бархат, ясень и дуб. А поэтому не было кабана и изюбра, косули и гималайского медведя — всех тех зверей, которыми питалась Ригма. Изрядно проголодавшись, она хотела схватить сторожкую кабаргу, но промахнулась. Посчастливилось ей поймать зайца-беляка, однако этого было мало.

Она спустилась в долину. Здесь гудели моторы, пахло соляжкой и человеком, зато в изобилии водилась любая пища. Кабаны и изюбры, хоть и боялись человека, не только не покидали этих мест, а и по ночам подходили к поваленным деревьям, где в изобилии находили корм: кабаны подбирали с земли шишки кедра, набитые маслянистыми орешками, а изюбры объедали лишайник, свешивавшийся с ветвей елей сизыми прядями. С наступлением рассвета звери покидали деляны, уступая место лесорубам, чтобы с приходом сумерек снова вернуться на кормежку. В таких местах и Ригме было на кого охотиться.

В конце октября неожиданно выпал глубокий снег. Молодые деревца, не успевшие стряхнуть с себя листву, согнулись до самой земли, придавленные тяжелой снежной кучтой. У многих старых лип обломились толстые сучья. Пользуясь этим, изюбры объедали с них листья. Застигнутые снегом звери словно оцепенели. Скрываясь в гуще пихтарников, они понуро топтались на одном месте, выжидая, когда порывы ветра пообдуют кучту с ветвей густого высокого кустарника.

Трудно стало Ригме разыскивать добычу. Как-то вечером она вышла на широкую звериную тропу, приведшую ее прямо к охотничьей избушке. Ригма не стала близко подходить к человеческому жилью. Она видела, как из жестяной трубы вилась к небу тонкая струйка голубого дыма, затем скрипнула дверь и вышел охотник. Он начал было колоть дрова, но, бросив топор, снял карабин с вбитого в стену гвоздя и, взведя курок, стал зорко всматриваться в лес, откуда бежала к нему собака с поджатым хвостом. Лайка всегда проявляла трусость, встречаясь с медведем, может, и сейчас, бегая около избушки, она почуяла бредущего к ним шатуна? Охотник сделал по тропе несколько шагов и остановился в нерешительности. Если бы Ригма простояла без движения хоть две минуты, охотник, не рассмотрев ее, повернул бы назад. Но в ней еще не развилась нужная выдержка, тигрица шагнула в кусты раньше времени. Она сделала всего несколько шагов, как вдруг острая боль пронзила правое плечо и в то же мгновение грохот выстрела прорвал лесную тишину, отозвавшись эхом в крутом распадке. В отчаянии Ригма прыгнула в густую поросль бересклета и вскоре скрылась в лесу. Вдогонку ей прогрехотало еще два беспорядочных выстрела. Одна пуля, задев мерзлый сук ясеня, со звуком лопнувшей струны прозвенела над макушками деревьев, и все стихло.

Принял ли охотник Ригму за медведя или, находясь во власти испуга, пальнул, отгоняя от себя амбу, — неизвестно.

Припадая на правую лапу, Ригма брела густым ельником. Кровь, стекая по плечу, капала в снег. Тигрица преодолела несколько перевалов и глухих ключиков, прежде чем, уже перед рассветом, разыскала кабанье гайно и легла. Весь день она не поднималась, зализывая рану. Кровотечение приостановилось. К счастью, пуля, не задев кость, «прошла» только мышцы плеча. Утолив жажду снегом, с наступлением вечера Ригма сделала широкий круг по лесу и, убедившись, что за ней нет погони, перешла в соседний ключ, где отыскала брошенное «гнездо» старой свиньи и устроилась на отдых. Боль в плече усилилась, Ригма не могла ступать на правую лапу. Пришла самая тяжелая пора в жизни тигрицы: чтобы согреться на двадцатиградусном морозе, нужно есть теплое мясо,

двигаться. Она же не могла не только преследовать добычу, но даже быстрым шагом передвигаться по лесу.

Первые две недели Ригма терпела голод, довольствуясь несколькими полевками в день. Грызуны сами подбегали к лежащей тигрице, принимая ее за труп. Но, истощив все внутренние запасы, болеющий организм потребовал обильной пищи, и Ригма, преодолевая боль, тронулась на поиски.

Над острой конусообразной сопочкой с криком кружили вороны. Ригма решила проверить, какую добычу нашли горластые вещуньи. Может, и ей удастся пожить? Поднимаясь по крутому склону сопки, она вышла на след огромного медведя-шатуна. Он брел в том же направлении. Идти по примятому снегу легче, и Ригма заковыляла по медвежьим следам. Скоро она поднялась на сопку. Лес поредел и состоял из корявых молодых дубков. Местами снега на земле не было — это кабан, роясь, сдвинул его. Повеяло резким мускусным запахом секача. Выйдя на поляну, Ригма вспугнула ворон. Поднявшись с земли, они расселись по макушкам деревьев и нахохлились, перекликаясь между собой.

Снег здесь был особенно плотно примят и в некоторых местах смешан с кровью. Рядом с гранитной глыбой лежал растерзанный медведем кабан. В любое время «хозяин» тайги мог вернуться к своей добыче. Долго стояла Ригма, приняв к воздуху и пристально рассматривая каждый подозрительный предмет. Раненая тигрица чувствовала, что столкновение с крупным шатуном может окончиться для нее трагически. Затем она обошла останки кабана, обнюхивая каждый след, и только убедившись, что поблизости нет врага, осторожно подошла к секачу.

Медведь, убивший кабана, успел съесть лопатку и часть внутренностей. По медвежьим правилам следовало завалить остатки снегом, ветвями елей или, по крайней мере, стащить в укромный лесной ключ. Видимо, шатун был отвлечен кем-то от своего обеда или же насытился до предела.

От голода Ригма утратила чувство меры и съела почти всю заднюю часть кабаньей туши. Оторвав про запас добрый кусок мяса, она спустилась с сопки, пробралась в густую поросль молодого пихтача и, развалившись под выворотнем усохшего кедра, впервые после ранения крепко заснула.

На следующий день Ригма съела принесенный кусок кабанины, однако завтрак лишь распалил ее аппетит. Возвратясь на сопку, она почуяла запах находившегося где-то поблизости медведя и вскоре вышла на свежие следы шатуна: «хозяин» тайги возвращался к своей добыче. Тигрице пришлось повернуть назад.

Кабанье мясо основательно подкрепило силы Ригмы. Теперь еще с полмесяца можно было терпеть голод.

Быстро заживают раны у хищников. Вскоре Ригма поправилась окончательно и вышла на охоту за кабанями. Пользуясь старыми тропами, она разыскала табунчик свиней и стала подкрадываться к нему, не подозревая, что с противоположной стороны к кабанам подходят охотники с собаками. Если бы звероловы не принимали мер крайней предосторожности, Ригма не подпустила бы их к себе так близко. Прогрохотало два выстрела. Один кабан остался на месте, остальные бросились в сторону Ригмы, громко сопя и фыркая. Вслед за ними неслись собаки, спущенные с поводков. Догнав секача, лайки набросились на него со всех сторон. Обороняясь от наседавших собак, кабан прижался задом к толстой липе и, грозно пощелкивая клыками, приготовился к отчаянному сопротивлению. Подоспевшие охотники прикончили его тремя выстрелами.

Покидая место неудачной охоты, Ригма не знала, куда ей податься: всюду были люди. Они рубили и возили лес или охотились, уйти от них казалось невозможным; нужно было приспособиваться к этому вездесущему хозяину лесов, иначе ей грозила гибель.

И Ригма смирилась со своей участью, стала осторожно обходить людей: соприкосновение с ними многому научило тигрицу. Она перестала бояться собак и рокочущих, страшных на вид машин и издали отличала лесоруба от зверобоя. Охотясь по ночам, тигрица подходила близко к промысловым избушкам, бродила по следам охотников, но никогда не трогала добытых и припрятанных ими зверей. Днем же Ригма забиралась на крутые сопки, откуда далеко просматривались все косогоры, и чутко дремала. При малейшем шорохе она широко открывала глаза, зорко присматривалась и прислушалась. Теперь она научилась прекрасно ориентироваться в

мире звуков, безошибочно различая шелест шагов медведей и изюбров, по крику птиц догадываясь, кто нарушил покой ее пернатых друзей. Да, птицы стали ее испытанными друзьями. Они оповещали ее о местонахождении пищи, об общем их враге — человеке. Даже по тому, как бежал по лесу тот или иной зверь, Ригма знала, кто его преследовал.

Природа щедро наделила Ригму силой и ловкостью, дав ей светлые, словно выточенные из нефрита когти, желтые пятисантиметровые клыки. Ее превосходное зрение не уступало глазу человека, вооруженному биноклем. Чуткое ухо улавливало шорох далеко бегущей мыши. Обоняние позволяло выделить легкий запах копыт давно прошедшего оленя. Не будь у нее этих хорошо развитых органов чувств, отличной памяти и сообразительности, неутомимости и терпения, трудно пришлось бы молодой тигрице в заснеженном лесу. Да и жертвы ее имели оружие защиты и могли постоять за себя: кабан оборонялся длинными клыками, изюбр мог пустить в ход острые, как пики, рога, медведь — крепкие зубы. Нелегко подчас давалась победа.

Ригма не испытывала чувства ужаса перед человеком, коим наделены многие обитатели леса, испокон веков преследуемые охотниками. Просто она не хотела связываться с мечущим молнии и гром существом и благоразумно уступала ему дорогу. Человек же, бессознательно боявшийся тигров, трепетал при виде Ригмы. Но тигрица и человек могли вполне мирно сосуществовать в этих лесах. Ведь Ригме для утоления голода нужно меньше кабанов и оленей, чем охотнику. Да к тому же в ее когти попадали чаще всего старые или больные животные с ослабленным организмом, в то время как промысловик стремился убивать сильных самок — вожаков кабаньего стада или оленей с прекрасными симметричными рогами. Такие трофеи ценились дороже.

Кроме того, Ригма не терпела в своих владениях волков и лисиц, с удовольствием охотилась за ними, а также преследовала рысь, росомуху и енотовидную собаку. В ее охотничьем районе не было засилья этих хищников, ибо они частенько попадали на обед тигрице.

Общаясь с человеком, Ригма научилась хитрости, а о ней говорили как о коварном звере. В месяц охоты, чтобы утолить голод, она убивала одного-двух кабанов или изюбров, а за это слыла зверем кровожадным. Ригма иногда бродила по широким следам медведей и охотников — так легче идти по снегу, а люди, не знавшие повадок зверей, утверждали, что тигрица опасна: желая якобы напасть на человека, она заходит сзади, некоторое время идет по его следам и, выбрав удобный момент, валит с ног и уносит в заросли.

Много несправедливостей возводилось на Ригму: обвиняли ее и в оскудении лесов зверем, объявляли и вредным хищником — лучше-де с ней в тайге не встречаться. Только ученые-натуралисты, знавшие полную невзгод и лишений жизнь тигров в таежных дебрях, заступались за нее, настоятельно требуя создать на Сихотэ-Алине заповедник для сохранения удивительного реликтового зверя — тигра длинношерстного. В этот год в леса Катэна пришел большой неурожай. На столообразных, словно подстриженных, вершинах кедров не красовались золотистые шишки, не было желудей, крупных и мелких орехов. Не плодоносили лианы.

Первыми стали покидать бескормные места кедровки. Собравшись в небольшие стайки, они улетали на юг, в сторону Бикина, словно предчувствуя, что там есть их любимые орехи. За ними шла белка; потянулись на юг и табунчики кабанов, бурые и белогрудые медведи. Опустели некогда полные разного зверья леса. Наступила голодная жизнь и для Ригмы. В довершение всех бед в горах Сихотэ-Алиня выпал ранний глубокий снег. Переходя ключи, Ригма утопала в сугробах по самые уши.

Голодная тигрица спустилась в долину Катэна и обосновалась недалеко от поселка лесорубов. Снега здесь оказались не столь глубоки, можно было легко ходить по льду замерзшей реки и по широким тракторным дорогам. Привлекали Ригму и дворяжки. Собаки зачастую самостоятельно углублялись в лес и там ловили зайцев в тальниковых зарослях.

Огромным оранжевым шаром опускалось солнце к горизонту, пронизывая потемневший лес прощальными золотистыми лучами. Осторожно ступая по льду уснувшей реки, Ригма кралась в заросли тальника, где раздавался слабый треск. Это в прибрежных кустах собака искала зайца. А вот показался и сам лохматый «охотник». Принюхиваясь к свежим заячьим следам, пегий

вислоухий пес подбежал к Ригме почти вплотную. Увидев тигрицу, он на мгновение замер, затем, взвизгнув от испуга, круто повернул и что было силы помчался к поселку. Но можно ли убежать от тигра! В несколько прыжков Ригма настигла обезумевшего пса и одним ударом клыков лишила его жизни. Схватив собаку поперек туловища, она унесла ее в густые заросли пойменного леса и с аппетитом поужинала.

Хозяева не сразу догадались о причинах отсутствия их сторожа. Только через несколько дней, когда у лучшего охотника поселка исчезла молодая собака, по следам установили, что собак похитила тигрица.

Сначала этим событиям не придали особого значения: тигры в окружающих лесах не в диковинку, а о том, что они пристрастны к собачьему мясу, все хорошо знали. Пожалели пропавших собак, да и забыли бы о происшествии, но Ригма вскоре снова напомнила о себе.

Возвращаясь вечером на участок, местный лесник решил попутно прихватить мешок с рябчиками, лежавший на лабазе в стороне от дороги. Остановив лошадь, он вылез из саней, привязал ее к придорожной черемухе и направился по едва приметной тропке к избушке. Погревшись чайком и отдохнув, он подпер палкой дверь и, взвалив мешок на плечи, зашагал к саням. Тут он услышал громкое тревожное ржание коня, прерываемое ревом зверя. «Вот черная немочь! Однако моего Чалого медведь сгрел», — решил лесник и, бросив тяжелый мешок, побежал к оставленным саням. Не чувствуя под собой земли, спотыкаясь о корни деревьев, торопился лесник и все же опоздал. Выскочив на дорогу, он так и не понял, что случилось. Вот и черемуха — но ни лошади, ни саней. «Наверное, испугавшись медведя, конь оборвал повод и ускакал в поселок», — подумал мужик и пустился по дороге догонять Чалого, громко крича его имя. Пробежал пару километров — нет коня. До поселка оставалось немного, и лесник зашагал спокойнее, в душе проклиная медведей, не дающих животным покоя даже зимой.

Велико же было его изумление, когда, подойдя к избе и заглянув во двор, он и там не увидел Чалого. Не появилась лошадь и на леспромхозовской конюшне. Лесник опросил всех жителей поселка, но никто не видел его коняги. Расстроенный пропажей, направился он в контору лесоучастка и зашел к директору:

— Товарищ Берелев, конь у меня сгинул только что. — И рассказал по порядку все, что с ним произошло.

Берелев вызвал двух местных охотников держать с ними совет. Решили ранним утром с хорошими собаками и ружьями выехать на место загадочного исчезновения лошади, а там видно будет, что делать.

Еще на небе не погасли крупные звезды, когда охотники вместе с лесником и Берелевым, посадив в кузов собак, отправились в лес. Чтобы не затаптывать следы, машину остановили в полукилометре от черемухи. Взяв собак на поводки, направились к злополучному месту. Солнце еще не поднялось над лесом, но было настолько светло, что даже под елями хорошо виднелись следы рябчиков. Дорога в этом месте проходила сквозь густой ельник. На повороте санный след сворачивал в самую гущу деревьев. Взрыхленный, а затем приглаженный снег красноречиво свидетельствовал, что здесь была сперва протаскана лошадиная туша, а уж за ней волоклись разбитые сани.

Все разбрелись, рассматривая и ощупывая звериные следы. Собаки скулили. От холода и возбуждения их трясло мелкой дрожью.

— Да, братцы, это не медведь, — уверенно заявил один из охотников. — Посмотрите, какой круглый отпечаток. Вот четыре пальца, когтей нет. Видите, какая круглая пятка. Это след тигрицы. Здоровущий зверь-то какой: лошадь, словно пудового теленка, проволока, и сани не помеха.

Осторожно продвигаясь по следам, люди увидели сани. Застрявшие между стволов двух осин, изломанные, они теперь были негодны для езды. Около них на снегу, забрызганном кровью, валялись обрывки сбруи, хомута и дуга. В глубь леса вился потаск с редкими кровяными пятнами на стволах деревьев.

Охотники остановилась и, словно боясь спугнуть тигра, начали шепотом совещаться.

— Он теперь недалеко где-то лежит.

— Сытый, подпустит близко.

— Идти все равно бесполезно. Шорох. А и пойдешь, стрелять нельзя — зверь запретный.

— Запретный, говоришь. А коня ему дозволено убивать? Попадись он мне, из двух стволов по башке шарахну и в ответе не буду, — кипятился лесник.

— Ну и что толку? Твой конь для государства небольшой убыток, более двухсот рублей, поди, не стоит. А за взрослых тигров, я слышал, до сорока тысяч золотом платят.

— Так что же теперь, — не унимался лесник, — тигры и нас с тобой должны жрать, а мы не могли их пальцем тронуть, так, что ли?— Ну, братцы, спорить тут нечего, — заключил Берелев. — Конечно, оправдывать тигра не приходится. За такие дела ему может не поздоровиться, но и ты ответ должен держать, — обратился он к леснику, — почто коня без присмотра в лесу надолго оставил одного, да еще на ночь глядя? Что, не знаешь? Ведь кроме тигра и медведь-шатун мог подвернуться. Поехали составлять акт да запросим сельсовет, можно ли по сему случаю тигра ухлопать, а то он теперь повадится коней в леспромхозе таскать.

Пока люди совещались и спорили, запрашивали начальство и просили содействия, Ригма спокойно отдыхала после обильной трапезы. Не без колебаний совершила она нападение на привязанную лошадь. Долго осматривала тигрица странное животное, делала широкие круги, принюхивалась, топталась на одном месте. Наступившая темнота и голод способствовали ее дерзости. Подкравшись к Чалому, она с одного прыжка повалила его на бок и сломала ему шейные позвонки. Смерть наступила мгновенно. Затем, ухватив коня за гриву, она поволокла его в лес вместе с санями. Сбруя зацепилась в чаще деревьев. Тогда Ригма вытащила коня из хомута, порвала сбрую и удалилась в лес со своей жертвой. Насытившись, она ушла в сопки. Затем через день снова вернулась к добыче. Спокойно пировавшие у поживы вороны служили лучшим доказательством, что поблизости нет человека и можно спокойно подкрепиться кониной.

До прихода тигрицы с добычей лес, казалось, был лишен каких-либо обитателей. Но вот появилась пища — мясо лошади, и как только тигрица ушла, слетелось множество ворон и воронов, соек и поползней. И откуда только взялись охристо-рыжие колонки и землеройки-бурозубки. Даже чета волков и лисица полакомились за чужой счет. Все они не только торопливо набивали свои желудки мясом, но и норовили утащить с собой кусочек про запас. Когда от Чалого остался жалкий скелет, к месту лесной трагедии прибред черный лохматый медведь-шатун. Его могучие челюсти способны были раздробить даже крупные лошадиные кости.

Охотники, получив наконец разрешение проучить Ригму, прибыли к месту гибели Чалого, да опоздали: следы тигрицы давно остыли, их запорошило свежим снегом.

Разговоры о дерзкой тигрице не умолкали в поселке. Может, они вскоре и прекратились бы, но Ригма, оставляя то на дороге, то на реке пугающие людей следы, все чаще и чаще напоминала о себе. Она до того осмелела, что начала ночами разгуливать по улицам спящего поселка. Собаки, издали чуя своего лютого врага, забивались под навесы и сараи и даже не лаяли. Ригма могла уйти вслед за откочевавшими табунами кабанов, но она еще не совсем утратила привязанность к человеку, некогда дававшему ей пищу. Она инстинктивно надеялась на его помощь, ждала ее и не могла понять, что жители поселка не только не дадут ей мяса, но и не захотят мириться с близостью страшного для них зверя. К тому же некоторые из жителей поселка читали о тропических тиграх-людоедах. Все это усиливало обстановку тревоги и преувеличенной опасности. Однажды поздним вечером шофер лесоучастка, возвращаясь из города, осветил фарами тигрицу на дороге. Она стояла спокойно, гордо подняв голову, и не торопилась уступать путь автомашине. Это была Ригма. Шофер дал протяжный сигнал и потянул ручку тормоза. Машина остановилась, не добежав до зверя нескольких метров, а тигрица неторопливо шагнула в темноту. Просидев в оцепенении некоторое время, шофер на бешеной скорости влетел в поселок, и скоро об этом происшествии узнали все недоброжелатели Ригмы.

На следующий вечер — это была суббота — лесорубы отчаянно парились в бане. Последним покинул ее завмаг. Накинув полушубок и взяв под мышку березовый веник, служитель прилавка

направился домой. Лунная ночь выдалась на редкость светлая и тихая. Крупные снежинки вспыхивали бриллиантовыми искрами, свежий снег слегка похрустывал под валенками. Завмаг и не заметил, как очутился у своей хаты. Открыв калитку и ступив несколько шагов, он остолбенел от неожиданности: посреди широкого двора стоял тигр. Зверь был настолько светлым, что почти растворялся на снежном фоне. Хозяин двора подумал: «Не померещилось ли?» — и, хотя луна светила достаточно сильно, вынул дрожащей рукой карманный фонарик и включил свет. Видимость тигра не улучшилась, но глаза его вспыхнули таким дьявольским огнем, что завмаг вскрикнул, выронил веник и фонарь из рук и, повернувшись, пустился бежать вдоль улицы.

Заскочив в сенцы дома лесника, он отдышался и дернул на себя разбухшую от мороза дверь.

— Степан! Меня во дворе чуть тигр не схватил! Еле ноги унес, — выпалил он сидевшему за столом леснику.

Взглянув на подозрительно красное лицо своего соседа, лесник усмехнулся:

— Поди, привиделось. Это, брат, бывает, когда переберешь. Садись-ка. Я уже забыл о своем Чалом, а ты опять о тиграх.

Напрасно завмаг живописал подробности своей встречи с тигром, лесник ему не поверил.

На следующее утро весь поселок говорил о новом посещении тигрицы. Ее следами интересовались все охотники поселка, их фотографировали, измеряли.

Через неделю шедший с лесоучастка раскряжевщик видел, как тигрица подходила к игравшим на льду реки ребятам. Он поднял тревогу. Выбежавшие из домов охотники выстрелами отпугнули зверя. Все эти события, крайне необычные для тихого лесного поселка, участились до того, что люди, напуганные смелостью и назойливостью тигрицы, обратились к местной власти с просьбой: «Помогите избавиться от опасного для жизни зверя. Разрешите его уничтожить».

А Ригма, словно мстя людям за многие свои страдания, вовсе не собиралась уходить, появляясь то на одном, то на другом краю поселка, разгуливая вблизи по тропам и дорогам.

Кто мог думать, что в наш век всепобеждающей техники, когда в лесах Дальнего Востока остались считанные тигры, некогда плененная тигрица бросит вызов человеку и повергнет население целого поселка в трепет и настоящую панику!_Страх овладел всеми. Вооруженные родители сопровождали школьников на занятия. Маленьких детей совсем не пускали за порог. К прорубям за водой ходили гурьбой. Мужчины боялись ездить на лошадях в лес за дровами.

Печальный случай окончательно переполнил чашу всеобщего терпения. В поселке умер человек. Кладбище было на отшибе, на высоком, густо заросшем кустарником берегу реки. Похоронная процессия донесла покойника до могилы, и когда гроб был поставлен на землю, кто-то из женщин испуганно вскрикнул:— Глядите, тигр!

Действительно, на противоположном берегу реки стояла Ригма. Будь хоть у кого-нибудь ружье, тигрице несдобровать. Испуганные люди убежали в поселок, а когда вернулись с карабином, зверя, конечно, на прежнем месте не оказалось. Лишь свежие следы говорили о его недавнем присутствии.

На следующий день в поселке собрались все охотники и лесники. «Будет или нет разрешение, а тигра нужно убить, — постановили они, — дальше терпеть его невозможно».

Для выполнения этого решения таежники разделились на три группы. Сперва предполагалось выследить тигрицу, найти место ее пребывания, а затем окружить и, по принципу активной облавы, выгнать на стрелков. Если же она пойдет на загонщиков, то ей все равно не прорваться: у каждого будет в руках заряженное тяжелыми пулями ружье.

Смертельная опасность нависла над Ригмой. Ранним тусклым утром она была выслежена лесниками и окружена двадцатью охотниками. Почуввав опасность, Ригма заметалась в окладе, затем, успокоившись, поднялась на возвышенность, осмотрела сжимающуюся вокруг нее цепь охотников и, выбрав участок, где люди стояли редко, смело пошла им навстречу, припадая к земле и прячась в густом кустарнике. Напрасно собравшиеся предвкушали увидеть тигрицу на расстоянии и разрядить в нее ружья издали. Тигрица словно провалилась сквозь землю. Оклад сузился до того, что загонщики, идущие навстречу стрелкам, хорошо видели их, а тигрицы нигде

не было. Неужто она сумела проскользнуть? В недоумении стояли загонщики и стрелки: находившееся между ними пространство хорошо просматривалось. Снова и снова вглядывались люди в каждую кочку, в каждую валежину, а увидеть тигрицу никто не мог.

— Нет тигрицы! — воскликнул один из охотников.

— А может быть, она на дерево залезла?

Стройная цепь загонщиков, подойдя почти вплотную к стрелкам, смешалась. Некоторые спустили курки ружей и надели рукавицы.

— Ну что же, пошли домой! — воскликнул Берелев. Но стоило ему сделать шаг, как, словно взрыв гранаты, рванулось в воздух полосатое желтое тело и с оглушительным ревом ринулось на него. Частый дуплет брошенного к плечу ружья не остановил стремительного прыжка Ригмы. Берелев упал в снег. Перемахнув через стрелявшего, тигрица кинулась к спасительным зарослям. Вслед загрохотали поспешные выстрелы разных калибров. А Ригма мелькала желтым факелом среди заснеженных кустов, пока не скрылась из вида.

Возвращаясь в поселок, люди обсуждали причины неудачной охоты. Одни жаловались на рикошеты пуль о мерзлые прутья густых кустов, другие полагали, что защитная окраска тигрицы позволила ей великолепно замаскироваться и неожиданно кинуться на охотников, но больше всего, конечно, корили Берелева. Промах при стрельбе в упор был, по мнению всех, непростительным.

— Что вы на меня напали, — защищался неудачливый стрелок. — Я читал у Ширинского-Шихматова, что легче на лету подстрелить бекаса, чем выцелить по убойному месту крупного медведя.

— Жару-то мы ей наподдали, — ликовал лесник, не прощавший Ригме гибели Чалого.

— Теперь будет километров сто махать без остановки.

— А может, какая шальная пуля задела?

В поселке охотников поджидал только что прибывший Калугин. Ему официально поручили тигрицу застрелить, а шкуру с черепом доставить в музей.

Расспросив одного из участников облавы о происшедшем, Калугин не стал задерживаться в поселке лесорубов. Переночевав, он чуть свет ушел разыскивать тигрицу: возможно, она ушла раненой, ведь по ней много раз стреляли. Лишь к полудню вышел Калугин на след и убедился, что зверь идет нормально, крови на снегу нет. Первый раз в жизни он преследовал тигрицу не для того, чтобы поймать живьем, а с жестоким намерением убить. В душе старый тигролов протестовал против исполнения этого задания: ведь каждая тигрица приносит тигрят, без них не существовало бы и промысла, коим он занимался в течение многих лет. И только мысль, что это опасный для детей зверь, заставляла взяться за исполнение неприятного поручения.

В представлении Калугина это была старая больная самка — с поломанными клыками, с редкой, вылезавшей на спине шерстью. Дряхлая, неспособная добывать обычную для себя пищу, тигрица, конечно, должна быть умерщвлена: много бед она может принести человеку, прежде чем умрет от старости и голода.

Против этого трудно было возражать, и все же нелегко заставить себя поднять ружье на старое животное. «Пусть лучше стоит чучело в музее — все же польза людям», — эта последняя мысль примирила его с тягостной необходимостью.

Ночь застгла Калугина в незнакомом ключе. Найдя поваленный ветром огромный сухой кедр, он подтащил к нему валежник. Вспыхнул огонь. Вода в ключе промерзла до дна, пришлось набивать котелок льдом. После ужина, настелив сухих веток и коры, Калугин лег у костра. Где-то невдалеке нехотя вскрикивал филин, шуршала под снегом полевка. Поправив у изголовья карабин, Калугин погрузился в чуткий сон, прерываемый морозом. Когда холод становился невыносимым, он вставал, накладывал валежник на слегка тлеющие угольки костра. Занимавшееся пламя согревало ему спину, и он снова засыпал. За длинную зимнюю ночь много сгорело дров, перегорел и толстый ствол кедра. Резкий крик совы, близко подлетевшей к угасшему костру, разбудил тигролова. Подкрепившись добрым куском вареного мяса и кружкой крепкого чая, он вышел на след Ригмы и

бодро зашагал на сопку.

Тигрица поднималась на крутые обрывы, шла косогором. Она избегала густых кустарниковых зарослей и, выйдя на старую звериную тропу, долго не сходила с нее. Шла Ригма как по компасу — строго на юг. Казалось, ничто не интересовало ее, хотя Калугин знал, что тигрица давно не ела. «Должна же она, проголодавшись, поохотиться за кем-нибудь, задержаться на одном месте у своей добычи. Вот тогда-то и представится случай подойти на выстрел», — размышлял тигролов. Два дня шел Аверьян, немало километров осталось позади, а шаг зверя по-прежнему был ровным, четким, точно как в первый день преследования.

Небо, подернутое высокими перистыми облаками, предвещало смену погоды. Если выпадет обильный снег, Калугину придется возвращаться: у него нет лыж, да и след легко потерять. К концу дня Аверьян решил заблаговременно обосноваться на ночлег и выспаться в тепле. Для этого он, как только за вечерело, стал высматривать сухие кедр, стоящие недалеко друг от друга. Вот давно усохший, золотистый, лишенный коры кедровый ствол, а рядом здоровущий смолистый пень. Как раз то, что надо. Правда, нет воды, но при наличии снега всегда можно натопить хотя и горьковатой, но вполне пригодной для питья воды. Первым делом Калугин поджег пень, а недалеко развел маленький костер, подвесив над ним котелок, набитый снегом. Когда стемнело, тигролов подошел к уснувшему лесному великану и отколол топором от его смолистого бока щепу. Одной спички оказалось достаточно, чтобы запылал гигантский факел, осветив лес вокруг на десятки метров. Стало так светло, что Калугин смог без труда зашить лопнувшие по шву брюки, приготовить ужин. Снег вокруг горящего кедр растаял, обнажив усыпанную дубовыми листьями землю. Листья парили. Лес наполнился теплом, хотелось растянуться на земле и уснуть. Но зверолов знал, что стоит угаснуть этому чудесному факелу, как трескучий мороз словно обручами сожмет его в своих объятиях.

Пока охотник готовился ко сну, пень сгорел весь. Выгорела даже часть толстого корня, уходившего в почву. Погасив угли и все искры, Калугин извлек горячую золу и дал охладиться раскаленной земле. Затем он затолкал ноги, обутые в олочи, в образовавшееся углубление и, словно на перину, лег на теплую, пахнущую смолистым дымом землю, подложив под себя несколько еловых ветвей. Теперь он чувствовал себя как в печке, лишь свежий морозный воздух охлаждал щеки и лоб.

Проснулся Калугин с восходом солнца. За длинную ночь он не повернулся даже на бок. Слабый ветерок усилился, наступило потепление. Наскоро позавтракав, Аверьян снова пустился догонять Ригму.

Он шел старым высокоствольным лесом. Сорокаметровые кедр, раскачиваемые сильными порывами ветра, скрипели и потрескивали. Ветер завывал в сухих дуплистых вершинах мертвых деревьев, сбрасывая на снег хвою и сломанные ветви. Птицы попрятались. С тревогой поглядывал Калугин на небо, стремясь поскорее пройти этот сухостойный лес и укрыться в густом молодом ельнике.

К полудню ветер принял такую разрушительную силу, что Калугин был вынужден искать защиты под раскидистой кроной молодого кедр. Убежище это оказалось ненадежным: налетевший шквал сломил вершину сухой ели и бросил ее на кедр. Ударившись о его ствол и сломав часть ветвей, громадное копье вонзилось в землю в двух шагах от тигролова. Теперь Аверьяну было не до следов Ригмы. Нужно скорее искать убежище в глубоком распадке. Но куда податься, когда кругом падали на землю подгнившие деревья, обломки вершин и толстые сучья?

Треск, глухое буханье свалившихся стволов, пронзительный скрип трущихся деревьев наполняли лес. Калугин метался из стороны в сторону, не спуская глаз с угрожающе гнувшихся вершин. Особенно страшными были отщепы с вершин сухих кедр. Они низвергались по косою линии и втыкались в землю, грозя пронзить все живое насквозь. Охотник вспомнил, как однажды привелось ему найти мертвого кабана, пробитого щепой. Словно под артиллерийским обстрелом, выжидая паузы между порывами ветра, делал Калугин перебежки, пока не достиг густого ельника. Здесь не росли высокие деревья, не было и сухостоя. Переведя дух, Калугин посидел на мерзлом пне, а затем спустился в ключ, собираясь здесь переждать непогоду до утра.

Разведя маленький костер на дне небольшой ямы, оставшейся на месте вывернутого с корнем дерева, Аверьян посмотрел на часы: стрелки показывали всего четвертый час, а в лесу было темно, как вечером.

Сильный ветер угнал на восток тучи, и начавшийся было снегопад вскоре прекратился. Всю ночь бушевал ураган, к утру затихло. Ночь в ельнике прошла для Аверьяна относительно спокойно.

Утром он поднялся на сопку, разыскал изрядно расплывшийся след Ригмы и устремился по нему на юг.

Чем дальше шел Калугин, тем сильнее его сердце охватывало сомнение. Следы говорили о том, что он преследует отнюдь не старого зверя. Спокойный, размеренный шаг тигрицы местами переходил на легкие прыжки, словно она хотела поразмяться или позабавиться. Так могла идти только молодая тигрица.

«Все рассказы лесорубов, — размышлял Калугин, — придуманы в страхе. Зачем же тогда я несущей ей смерть? Повернуть, что ли, обратно? Но ведь она утащила несколько хороших собак, убила лошадь. Тигры не должны бы этого делать. Значит, от нее чего угодно ожидать можно. А ежели тигрица в Солонцовый придет да ребенка схватит, тогда что? Как погляжу в глаза матери? Скажет: ты не охотник, а трус и мерзавец, коль тебе зверь милее человека. Не простит. Нет, нельзя тигрицу жалеть».

Утвердившись в этом мнении, Калугин прибавил шаг, но вскоре им овладел другой настрой мыслей. Приходили на память многие случаи расследования незаконного отстрела тигров, и каждый раз он убеждался, что обвиняемый в агрессии зверь отнюдь не нападал и даже не угрожал человеку. Просто при стечении обстоятельств тигр близко подходил к охотнику, попадался ему на глаза и получал за это пулю в сердце. А Ригма тем временем все шла на юг по старым кабаньим тропам, запорошенным снегом. Наделенная от природы большой выносливостью, она без мучений переносила голод. Но, как всякий хищник, Ригма, будучи голодной, не могла спокойно пройти мимо добычи, отвергнуть ее только потому, что торопилась сменить свое местожительство. И когда тонкое обоняние тигрицы уловило запах белоградского медведя, она остановилась: гималайские медведи всегда являлись излюбленной пищей ее сородичей. Сперва Ригма осмотрела местность и вскоре пришла к выводу, что медведь, не найдя подходящего дупла, залез под корни липы, росшей на крутом косогоре, и здесь устроился на зимовку. Подойдя к липе, Ригма решила овладеть соней. Но как это сделать? Когда, расширив лаз, она попыталась вытащить медведя, то столкнулась с его оскаленными клыками и длинными когтями. Узкий вход не позволял ей проникнуть в берлогу; извлечь лапой упировавшегося и отчаянно кусавшегося «хозяина» оказалось невозможно.

Тогда Ригма пошла на хитрость. Она подкопалась под корни со стороны, противоположной входу в берлогу, и, просунув в отверстие лапу, схватила медведя за ягодицу и вырвала кусок кожи с черной шерстью. С ревом завертелся в берлоге медведь. Как он ни изворачивался, в одном из отверстий виднелась хоть какая-то уязвимая часть его тела, и этим ловко пользовалась тигрица. Не имея возможности спрятаться, косолапый решил спасаться бегством, но только он высунул голову и плечи из берлоги, как Ригма схватила его за загривок и прикусила. Затем она выволокла обмякшее тело медведя из убежища и, оттащив в сторону, приступила к обеду.

Вес медведя превышал сотню килограммов, съесть его сразу тигрица не могла, поэтому она задержалась у своей добычи. Это обстоятельство позволило Калугину догнать Ригму и подойти к ней на довольно близкое расстояние.

Сперва Ригма обратила внимание на тревожное урчание белки, затем услышала подозрительный треск валежника. Решив проверить, кто бы это мог потревожить ее покой, она, сделав по лесу широкий полукруг, зашла к подозрительному месту с противоположной стороны и обнаружила следы Калугина. Принюхиваясь к знакомому запаху человека, Ригма пошла за тигроловом, ступая точно по его следам. Калугин издали увидел черную дыру, зияющую между корнями липы у самой земли. Снег вокруг дерева был измят. Осторожно подойдя к берлоге, охотник понял все, что здесь произошло. Предчувствуя близость зверя, он снял курок с предохранителя и, зорко осматриваясь по сторонам, бесшумно стал продвигаться вперед. Вот и медвежья туша. След тигрицы уходил в

сторону. Сделав широкую петлю, Калугин вышел на свой след, затоптанный лапами Ригмы. «Обошла, окаянная, — пронеслось в голове охотника. — Теперь к ней скоро не подойдешь. Все равно перехитрю!» И с этой мыслью тигролов быстрым шагом направился к медвежьей туше. Вырезав кусок мяса на ужин, он разыскал сухостойник и, разведя костер, отаборился на ночь.

Теплые струи воздуха, поднимавшиеся от костра, мерно покачивали темные ветви подступивших елей и пихт. Потрескивали сухие ветки белой сирени, разбрасывая далеко вокруг горящие угольки. Присев на валежину, Калугин думал о предстоящей встрече с тигрицей. «Где-то недалеко бродит. Теперь знает, что ее преследуют. Уходить станет — не догонишь. Если пожелает от меня избавиться, — несдобровать. Чего проще напасть на спящего. Костер погас, бесшумно, как змея, подползет в темноте. Один прыжок... и выстрелить не успеешь — силища огромная, клыками разит мгновенно. А ведь не решится, не воспользуется своими преимуществами: ума не хватит, страх перед человеком сдержит. Хорошо бы днем разглядеть издали, когда она занята охотой или едой, тут не упустил бы», — эти мысли беспорядочно мелькали в голове, пока сон не одолел охотника.

Ригма бросила свою добычу. Сойдя со следа Калугина, она снова побрела на юг. Старые изюбриные тропы привели ее на большой природный солонец. Подземные ключи, не замерзающие зимой, изливали «ржавую», богатую солями воду на поверхность, и она растекалась желтыми пятнами по льду, тут же замерзая. Олени зимой редко посещали солонец, но, проходя мимо, сворачивали на лакомый лед, грызли и лизали его.

Остановившись на солонце, Ригма обнюхала следы прошедшего недавно изюбра и прилегла на обнаженной земле.

Она решила подкараулить здесь оленя.

Зная повадки тигров, Калугин, как только заметил, что многочисленные тропы сливаются в одну проторенную дорогу, остановился, снял карабин, положив его на правую изогнутую руку, и стал осторожно подкрадываться к поляне солонца, видневшейся сквозь просветы между деревьями. Двигался он столь осторожно, что не слышал шороха своих шагов. Но как ни бесшумно подходил Калугин, Ригма уловила слабый скрип снега под его ногами, заметила мелькнувший в чаще силуэт и припала за полусгнившей колдобиной, лежавшей поперек ключа. Она приняла охотника за изюбра. Выйдя на солонец, Калугин остановился, внимательно осматривая окружающие предметы. Все вокруг было безжизненно и молчаливо. Простояв несколько минут без движения, он поднял ногу и тут же опустил ее. На противоположной опушке поляны, словно из-под земли, появилась тигрица. Бросок карабина — и его холодное ложе коснулось щеки Калугина, указательный палец лег на спусковой крючок. В тонкую прорезь прицела попало полосатое плечо зверя, но палец на крючке как бы закованел.

Калугин узнал Ригму. Тихо опустив ствол винтовки к земле, он разглядывал неожиданное видение, чувствуя, что ком подступает к горлу. Ригма стояла как изваяние.

Возможно, в эту минуту она вспомнила человека, с которым уже трижды встречалась. Кто мог заглянуть в ее звериную душу, не лишенную благородства и памяти!

— Ригма! — крикнул Калугин во всю силу легких. — Жива!

Вскинув в небо короткий ствол карабина, он трижды выстрелил, словно салютуя победе жизни. Ригма вздрогнула, повернулась и, сделав высокий плавный прыжок, растворилась в зеленой дымке ельника.

Остаток дня взволнованный Калугин провел у костра. Большая радость встречи омрачилась тревогой за будущее Ригмы. Ведь она так доверчива, рано или поздно ее убьют. Не простят ей охоты на собак, гибели Чалого. И то, что сейчас не сделал он, Калугин, сделает кто-нибудь другой. Размышляя над безысходностью ситуации, Аверьян вспомнил, что в кабинете директора промхоза висело объявление о создании в истоках Катэна, на Хорско-Бикинском водоразделе, первого в стране тигрового заповедника. Всякая охота в нем запрещалась.

«Нужно угнать Ригму в заповедник, уж там ее никто не тронет. Привольно ей будет жить в охраняемых лесах», — повеселев от принятого решения, Калугин подбросил валежника в костер и повернулся к нему спиной. На небе загорались крупные мерцающие звезды. Тихая морозная ночь

окутывала лесные дебри, а на душе у человека было тепло.

Три дня гнался Калугин за Ригмой. Теперь не нужны стали все предосторожности: он умышленно трещал валежником, громко кашлял, стрелял облегченными зарядами рябчиков для похлебки, — благо Ригма шла в заданном направлении. К концу третьих суток Калугин увидел белоснежные вершины горного хребта. Здесь проходила граница заповедника.

— Вот и пришли к тебе домой! — громко обратился Калугин к невидимой Ригме, с сияющей улыбкой оглядывая густые темно-зеленые кедрачи, спускавшиеся по склонам гор и рек. Чувство радостного облегчения наполнило его душу. Достав топор, он с одного маха сделал на ясене широкую затесь — так отмечалось им место завершённой удачной охоты.

Вернувшись в промхоз, Калугин рассказал директору, что вызвавшая столько страхов и объявленная вне закона тигрица является Ригмой, пойманной некогда им и бежавшей из цирка.

— Я хорошо разглядел ее. Здоровущая стала. Сейчас не скрутишь: собак, как мышей, передавит. Зря ее к смерти приговорили. Для людей неопасна, а что собак таскала да лошадь загубила, так это из-за временной бескормицы. К человеку привычна была, вот и разгуливала по поселку, пугала лесорубов. Жаль мне ее стало. Попадет на глаза заплешному охотнику, тот не пощадит. Вот и пришлось угнать в заповедник. Тигрица-то ведь золотая.

— Правильно! Я бы на твоём месте, Аверьян Матвеевич, так же поступил, — заключил директор.

Придя домой, Калугин уселся за письмо к Зарубину, сообщая о похождениях Ригмы, об их встрече и новом ее пристанище.

«В цирк Ригму теперь не вернешь, — писал он, — пушай живет в родных краях, потомство приносит. А ежели надо, мы вам других тигрят изловим».

Тишина заповедного леса не нарушалась выстрелами охотников и лаем собак. Не было здесь и лесорубов. Охрана следила за тем, чтобы даже летом не проникали сюда люди в поисках женьшеня, — непотушенный костер мог вызвать лесной пожар. Пышные высокоствольные леса, покрывавшие изрезанные глубокими горными ключами и речками невысокие сопки, служили надежным укрытием для многих зверей и птиц. Природа особенно щедро одарила эту землю обетованную: на ней встретились и перемешались жители юга и севера, словно по прихоти человека здесь некогда возник ботанический сад, пришедший затем в своеобразное одичание.

В заповеднике жили тигры. Ригма не была с ними знакома. Как-то в предвесеннее время она взобралась на скалистую сопку — место изюбриных отстоев. Среди отвесных скал олени выбирали маленькие площадки, укрываясь от преследования волков. Забежит изюбр на отстой — волку его не видать: кругом обрывы да отвесные скалы. Лишь по одному карнизу-тропе можно подняться на площадку, а сунься — угодишь под копыта или рога оленя, будешь сброшен в пропасть.

Поднимаясь по каменистой извилистой тропе, Ригма услышала шум мелких камней, скатывавшихся с обрыва. Кому, как не оленю, быть здесь! Но вместо изюбра на тропе появился тигр. Долго стояли могучие звери друг против друга, не решаясь сделать первый шаг. Обнюхав Ригму издали, незнакомец первый тронулся навстречу. Но Ригма не позволила подойти близко к себе: она круто повернулась и ушла в заросли. Тигр последовал за ней. С этого дня они встречались часто. Не сближаясь, прогуливались по косогору, поросшему кедром. Случилось однажды, что к ним навстречу выбежал преследуемый волком изюбр. Ригма бросилась на быка, да промахнулась. Увернувшись от ее когтей, изюбр шархнул в сторону и угодил в лапы тигра. Умертвив оленя, тигр подтащил добычу к наблюдавшей за ним тигрице, а сам отошел в сторону, как бы приглашая Ригму первой отведать оленятины. Тигрица приняла приглашение, и пока она утоляла голод, тигр лежал в стороне. Совместная охота упрочила их знакомство.

Теперь Ригма разрешила тигру подходить близко, и он всячески проявлял к ней внимание и нежность. С готовностью уступал лучший кусок добычи и даже ласково облизывал шершавым языком ее плечо и шею, а она трепала его большую голову когтистой лапой, и тигр терпеливо сносил эту болезненную шутку. Прошла неделя.

Внезапно Ригма скрылась от тигра. Поднявшаяся пурга завяла ее след. А через три месяца у

Ригмы появились тигрята. Для нее они были самыми дорогими и любимыми существами на свете. За их безопасность Ригма отдала бы свою жизнь.

Несколько дней она ни на минуту не оставляла трех пестрых малышей, прижимая их к груди широкими лапами. Тигрята, насосавшись теплого молока, таращили бессмысленные глаза на зеленеющие деревья и внимали шепоту листьев.

Сменялись времена года. С наступлением тепла в заповедные леса прилетали из тропиков длиннохвостые личинкоеды, яркие синие ширококороты. Среди темно-зеленых ветвей мелькали огненно-желтые мухоловки, перекликались белоглазки, прикочевавшие на лето из Новой Зеландии. На лесных полянах среди страусоперых папоротников цвели красные лилии, а над ними реяли черные с зеленым отливом крупные бабочки-хвостоносцы. Ночные сумерки не прекращали жизнь леса. На звериных тропах, словно по металлическому предмету, стучали козодои, в вейниковых зарослях с перепугу «лаял» козел, будто заблудившаяся собака. С низким гудением пролетали гигантские жуки-дровосеки, таинственно мерцали светлячки.

В эту благодатную пору изобилия тепла и пищи все животные растили свое потомство, отчаянно борясь за существование и в то же время помогая друг другу. В лесу скрывались и жили тысячи различных животных. Они поедали и уничтожали растения, разносили и прятали в земле орехи и желуди, способствуя естественному возобновлению леса. Грызуны были чрезмерно плодовиты. В короткий срок они могли бы достичь большой численности и уничтожить все растения, но природа сотворила хищников, сдерживающих нашествие грызунов.

Человек открыл великий закон равновесия природы и научился управлять им. Он создал заповедники — эти огромные лаборатории, где сама природа творила и разрушала в своей предвечной гармонии. В этой лаборатории животные не делились на вредных и полезных. Здесь даже волк, объявленный в других районах бичом оленеводства, выполнял роль санитаря.

Летние муссоны сменялись холодными северо-западными ветрами. Зима ступала ледяной ногой в заповедный лес. Жизнь, казалось, замирала. Лишь снежный покров земли подолгу хранил интересные «записи» обитателей леса. Охотоведы бегло читали эти страницы лесной книги, постигая премудрости природы.

Шли годы. Постаревший Калугин перестал заниматься промыслом. Угас охотничий пыл. Ему и раньше было жаль убиваемых зверей, но чувство это быстро исчезало, не столь сильно тревожило его добрую душу. Теперь же при виде печальных глаз раненого оленя, покрывавшихся дымкой смерти, сердце охотника жгло болезненное раскаяние. Даже вид убитой медведицы, свирепо защищавшей свое взрослое потомство, не радовал, а скорее огорчал.

Только природа по-прежнему властно манила тигролова под зеленый полог вечно молодого и древнего леса, исцеляла расстроенное житейскими волнениями сердце, наполняя его светлой радостью.

На предложение директора заповедника поработать в экспедиции по учету тигров Калугин согласился с большим желанием. «Хоть напоследок похожу по тигриным местам, поучу молодых охотоведов. Надо же свой опыт передавать людям», — думал тигролов. Выезд предполагался в конце февраля. Снега в лесу лежали глубокие. Пришлось прихватить ивовые лыжи, подшитые камусом [Камус — кожа с ног оленя, выделанная без удаления волоса.].

Калугин был тонким знатоком жизни леса. Показывая следы тигра своим ученикам, он объяснял, как можно определить их свежесть и направление в глубоком снегу, как отличить, кто прошел: самец или самка. Он учил различать звериные «почерки», чтобы при учете не путать различных тигров и не записывать дважды один и тот же след.

Собравшись у вечернего костра в ожидании ужина, с большим вниманием слушали будущие охотоведы рассказы Калугина о повадках тигров, многократных встречах с благородным зверем, а ему было что вспомнить, о чем рассказать.

— Аверьян Матвеевич, по-вашему, животные не нападают на человека и в лесу даже тигра бояться не следует? — обратился к Калугину Алеша Емельянов, подкладывая валежник в костер.

— Этого я не утверждал. Есть животные, смело нападающие на человека. Они из живого охотника

кровь высасывают, но ведь это только гнус да клещ. А вот, скажем, тигр и медведь альбо рысь и волк — человека не трогают, боятся они его смертельно и всегда дорогу уступают. Положись на мой опыт: более сорока лет с ружьем по тайге проходил, много звериных душ загубил, а ни одного зверя-людоеда в глаза не видывал. Нет таких зверей в наше время, чтобы людей не боялись! Читал я книги про зверье разное, да, видать, кто про них пишет, сам в лесу мало бывает. Вот поэтому и затвердили: тигр — кровожадный, медведь — неуклюжий, заяц — обязательно трус, а волк — чуть ли не людоед. А я вам, ребята, скажу: волк боится человека пуще зайца, а медведь ловок, что твой акробат в цирке. Видали, на какие лесины за желудями залезает! И нет жадности к копытному зверю у тигра.

— Вас послушать — все звери добрые, — не унимался Алеша, — а я читал в какой-то газете, что рысь на охотника прямо с дерева сиганула и чуть не загрызла. Еле ножом отбилась. Тоже, скажете, неправда?

— Возможно, и напала. Только при чем тут дерево? Рысь с земли нападает, и то на зайцев. На деревья она редко лазает. Разве что собаки ее туда загнали. Раненая могла с дерева свалиться или на охотника прыгнуть. Я как-то в детстве бурундуков ловил, так один бурундучишка на меня с березы прыгнул, когда я его стряхивал, и за палец больно укусил. Каждый зверь свою жизнь защищает.

Поспевшая похлебка из рябчиков прервала затянувшиеся споры, и отряд принялся за ужин. После ужина Алеша снова надел на Калугина:

— Когда я поступал на охотоведческий факультет, отец сказал: «Это несерьезная наука». Аверьян Матвеевич, часто приходится слышать, что охота вроде баловства. Почему у людей сложилось такое мнение?

— Не знают дела нашего, поэтому не уважают труд охотников. Я промыслу всю жизнь отдал и скажу тебе, Алеша, — трудный и твердый хлеб промысловика. Иногда думают так: ходит охотник в зеленом лесочке, поют птицы, воздух чистый. Любуется он ясными зорями да голубым небом, не работа — курорт. Охотник не рассказывает, как голодает на промысле, ломая зубы о мерзлый хлеб, как блуждает в лютую пургу, спит на сырой земле да на снегу. Он не жалуется на судьбу. На охоту не по нужде пошел, по доброй воле, душевному призванию. Терпит добровольно большие лишения, не ропщет. Сам того захотел. А ведь месяцами семью не видит, в бане не бывает. Приплетется чуть живой в холодный барачек, от пота гимнастерка и телогрейка мокрые. Нужно не то обед, не то ужин готовить, а там шкурки с белок и колонков до полуночи снимать, дрова рубить. Печка всю ночь гореть должна — не ленись, вставай да подкидывай. Чуть свет — вари завтрак и снова в лес до вечера. И так — изо дня в день. А случись беда: ногу повредил, зверь, скажем, ранил — первую помощь оказать некому. Хорошо, если на вертолете разыщут или товарищ рядом окажется.

Тяжкий труд промысловика, а народу нашему — нужен. Леса кругом бескрайние, зверя в них много. Меха нашим цены нет. Это хорошо, Алеша, что ты в охотovedы подался. Ученые охотой пока мало интересуются.

— Я с вами, Аверьян Матвеевич, согласен: ведь если по науке охотничий промысел поставить, страну ценной пушниной завалим, будет тайга давать человеку в изобилии мясо и кожи, лекарства и сувениры.

Емельянов хотел еще расспросить Калугина о тиграх, но старый охотник стал готовиться ко сну.

С наступлением рассвета все вышли по намеченным маршрутам. Калугин вместе с Емельяновым направился на юг по Теплому ключу. Пройдя около пяти километров, учетчики увидели свежие следы тигров. Их было так много, что Алеша не мог понять, сколько животных прошло здесь.

— Аверьян Матвеевич, неужто табун тигров прошел? — шепотом спросил Алеша.

Калугин молчал. Он внимательно рассматривал отпечатки, ощупывал их пальцами. Затем медленно зашагал вдоль следов, но вдруг остановился, сдвинул на затылок ушанку.

— Табун не табун, а четыре тигра наверняка идут. Видать, семья — тигрица и три взрослых тигренка. Пройдем за ними до перевала, поглядим, чем заниматься они будут.

И с этими словами Калугин заскользил на лыжах между деревьев. Алеша едва поспевал за ним.

Поднявшись на увал, Калугин остановился:

— Видишь, тигрята самостоятельность проявляют: два свернули в распадок, а один за тигрицей в вершину ключа подался.

— За кем же пойдём? — спросил Алеша.

— Пойдём за тигрицей. Ежели мы к ней раньше подойдём, она близко подпустит: за своих тигрят, что отстали, примет.

Подниматься на лыжах при глубоком снеге было трудно. Пот ручьями стекал по разгоряченному лицу Алеши. Когда до перевала осталась какая-то сотня метров, Калугин подал знак юноше.— Ну, Алеша, теперь аккуратно надо идти, — прошептал он. — Лыжи тут оставим. Приготовь свое фоторужье, да не промахнись, коль тигров за перевалом увидим.

Они сошли с лыж и начали карабкаться по крутому склону.

— Ишь, как развезло, снег что мокрая вата. На перевал сразу не выходи. Высунь голову из-за дерева и осмотришься внимательно. Никакой зверь враз на глаза не попадает. Тут выдержка нужна, — поучал Алешу старый следопыт.

С большой предосторожностью отодвигая от себя ветки колючего кустарника, чтобы они не шаркали о ноги, взбирались учетчики по крутому склону, время от времени останавливаясь, переводя дыхание и прислушиваясь.

Вот и последняя гряда водораздельного хребта. Низко согнувшись, стараясь не наступить на сухую ветку, Калугин подошел почти к самой кромке гребня, стал за ствол березы и начал медленно поднимать голову, стремясь сразу охватить глазом панораму открывающегося за перевалом леса. Емельянов последовал его примеру.

В ярких весенних лучах полуденного солнца лес словно дремал. Стройные, ослепительно белые стволы берез и осин высоко вздымались в мартовскую синь безоблачного неба. В этот торжественный час первого дыхания весны все замерло. Лишь слабый шорох снующих по березовой коре поползней нарушал настороженную тишину. Плавно спускавшийся к ключу косогор, вдоль которого вились два тигриных следа, был пуст.

Долго стоял Калугин, прислонившись к дереву и ничем не выдавая своего присутствия. Его глаза всматривались в лесные просторы, неторопливо оглядывали противоположный косогор, поднимавшийся за ключом, поросшим редким березняком. Все кругом было безжизненно. Он хотел было уже сказать что-то Алеше, как вдруг увидел тигров.

Звери стояли между молодыми березками, повернув головы в сторону людей. Видимо, они почуяли опасность, а может, уловили шорох и поджидали отставших тигрят.

Пристально рассматривал тигрицу Калугин и не верил своим глазам. «Неужто она?» — пронеслось в голове. Да, это была Ригма. Белоснежная, с широкими золотистыми полосами, она грациозно прыгнула в кусты и легким царственным шагом удалилась в глубь леса вместе с тигренком.

Словно зачарованный смотрел им вслед Калугин, и прозрачная слеза умиления застлала глаза старого тигролова.

...Прошло много зим. Говорят, и поныне живет в заповеднике великолепная тигрица-альбинос по имени Ригма.